

Краткій очеркъ исторіи подлиннаго ветхозавѣтнаго текста.

Священныя книги ветхаго завѣта содержатъ въ себѣ Божественное Откровеніе, сообщенное людямъ для ихъ спасенія посредствомъ просвѣщенныхъ Духомъ Божиимъ мужей, называемыхъ пророками. Съ дѣтскихъ лѣтъ извѣстна намъ эта истина и находясь подъ ея исключительнымъ воздѣйствіемъ, мы съ благоговѣніемъ преклоняемся предъ священной библіею ветхаго завѣта и, не отдѣляя ее отъ новозавѣтнаго откровенія, спѣшимъ обратиться къ ней для подкрѣпленія нашей охлаждающей вѣры, нашихъ ослабѣвающихъ нравственныхъ силъ, для успокоенія нашего грѣшнаго и потому вѣчно и глубоко скорбящаго сердца. При этомъ не зараждается въ насъ никакихъ вопросовъ и сомнѣній, которыя бы смущали насъ и ослабляли дѣйствіе указанной отраднѣй истины. Но подобныя сомнѣнія — вопросы не имѣютъ мѣста до тѣхъ поръ, пока мы имѣемъ въ виду лишь Богооткровенное содержаніе ветхозав. свящ. писаній, безотносительно къ вѣшной его сторонѣ, къ его, такъ сказать, временной человѣческой оболочкѣ. Но они неизбежны, какъ скоро мы коснемся этой стороны. Въ самомъ дѣлѣ — священная библія ветхаго завѣта на подлинномъ древне—еврейскомъ языкѣ — предъ нами. Смотримъ, и что же видимъ? Обыкновенную, какъ и всѣ, книгу, состоящую изъ неустойчиваго, недолговѣчнаго матеріала, заключающую въ себѣ извѣстное количество страницъ, покрытыхъ еврейскими письменами. И оказывается, такимъ образомъ, что библія ветхаго завѣта хотя въ

существомъ своемъ и есть дѣло Божіе, откровеніе Духа Святаго, но по внѣшней своей сторонѣ—дѣло чисто человѣческое, литературный памятникъ древняго еврейскаго народа, впродолженіе многихъ вѣковъ переходившій изъ рукъ, въ руки отъ народа къ народу и наконецъ дошедшій до насъ въ обычной, всѣмъ знакомой внѣшней формѣ. Обстоятельство это, какъ скоро мы остановимся на немъ своею мыслию, необходимо должно вызвать и дѣйствительно вызываетъ цѣлый рядъ вопросовъ и между прочимъ вопросы такого рода: тѣ письмена, которыми теперь начертанъ оригинальный текстъ ветхозавѣтныхъ книгъ и которыя выражаютъ истины, въ этихъ книгахъ содержащіяся, суть-ли письмена, употреблявшіяся богопросвѣщенными мужами при записи откровеній, или же письмена настоящія утратили всякое сходство съ древними? Если послѣднее справедливо, то когда и какая именно перемѣна совершилась во внѣшнемъ видѣ свящ. текста, кто тѣ лица, которыя произвели эту перемѣну и по какимъ побужденіямъ? Далѣе—при перемѣнахъ (если таковыя производились) во внѣшнемъ начертаніи текста была-ли соблюдаема надлежащая осторожность, не исказился-ли при этомъ первоначальный текстъ, а тѣмъ болѣе не исказился-ли онъ при своемъ распространеніи посредствомъ многочисленныхъ копій, что такъ легко и почти неизбежно, когда изъ вѣка въ вѣкъ передаются древніе письменные памятники? Всѣ выставленные вопросы, разъ они возникли въ нашемъ умѣ, невольно смущаютъ насъ и настойчиво требуютъ болѣе или менѣе удовлетворительнаго отвѣта. Но возможенъ-ли такой отвѣтъ? Да, его можетъ дать исторія подлиннаго ветхозавѣтнаго текста. Краткій очеркъ этой исторіи мы и попытаемся представить.

До XVII столѣтія вопросы, относящіеся къ исторіи подлиннаго вз. текста, не были подвергаемы научной разработкѣ и даже не были серьезнымъ образомъ затрогиваемы. Правда, лицами, занимавшимися изученіемъ св. писанія, высказывались

время-отъ-времени различныя мнѣнія относительно внѣшняго вида вз. текста, относительно его правильности ¹⁾; но мнѣнія эти оставались лишь частными мнѣніями, не вызывали ученыхъ споровъ, которые бы могли привести къ положительнымъ результатамъ и возвести предположенія на степень несомнѣнныхъ данныхъ. Лишь со времени реформаціи на подлинный вз. текстъ было обращено серьезное вниманіе и вопросы, касающіеся исторіи, были поставлены на научную почву. — Въ XVI в. въ средѣ только что отдѣлившихся отъ римской церкви протестантовъ и въ средѣ католиковъ сложились два совершенно противоположныхъ воззрѣнія на вз. текстъ. Протестанты, признавшіе св. писаніе исключительнымъ источникомъ вѣро— и нравоученія и отвергнувъ авторитетъ церкви въ дѣлахъ вѣры, начали относительно подлиннаго текста свящ. вз. книгъ отстаивать то мнѣніе, что этотъ текстъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ существуетъ и теперь, произошелъ отъ самихъ священныхъ писателей и съ тѣхъ отдаленныхъ временъ сохранился неизмѣннымъ во всѣхъ своихъ, самыхъ даже незначительныхъ, начертаніяхъ. Вслѣдствіе такого мнѣнія протестантами было признано за подлиннымъ вз. текстомъ и по отношенію къ правильности абсолютное достоинство сравнительно съ текстами переводными—греческимъ LXX-ти и латинскимъ Иеронима, или вульгатою. Что касается католиковъ, то они, не затрогивая пока вопроса о внѣшнемъ видѣ еврейскаго вз. текста, придавали ему, относительно правильности, второстепенное значеніе

¹⁾ Такъ многіе іудейскіе грамматикѣ, начиная съ X-го в., признавали за еврейскою пунктаціею древнѣйшее происхожденіе, одновременное съ возникновеніемъ св. книгъ, таковы напр. Saadia Gaon († 942) и Iuda Ching († ок. 1040); напротивъ другіе іуд. ученые, какъ Aben Esra († 1194), считали ее позднѣйшимъ сравнительно изобрѣтеніемъ. Что касается правильности подлиннаго вз. текста, то древніе отцы церкви, вступавшіе въ полеміку съ іудеями, настаивали на томъ, что іудеи повредили подлинный текстъ вз. книгъ; между тѣмъ Оригенъ и Иеронимъ были противнаго мнѣнія.

и признавали несравненно большее преимущество за греческимъ и особенно латинскимъ переводами вз. бібліи, такъ какъ переводы эти были освящены многовѣковымъ церковнымъ употребленіемъ. Эти противоположныя воззрѣнія поддерживаемыя уже не отдѣльными лицами, а цѣлыми обществами христіанъ, непріязненными притомъ одно другому, не могли не послужить поводомъ къ оживленнымъ спорамъ, и споры эти дѣйствительно возгорѣлись, какъ скоро протестанты начали приводить въ пользу своего воззрѣнія на подлинный вз. текстъ научныя данныя.

Въ концѣ XVI и началѣ XVII вв. въ главѣ ученыхъ протестантовъ стоялъ знаменитый еврейскій и замѣчательный знатокъ раввинской литературы Іоаннъ Буксторфъ старшій (1564—1629). Родомъ вестфалець, онъ въ молодости поселился въ Базель и здѣсь, въ качествѣ профессора еврейскаго языка, провелъ всю жизнь, посвятивъ свои силы радушно принявшему его новому отечеству. Буксторфъ основательно изучилъ толкованія на вз. свящ. книги раввиновъ и другія сочиненія іудейскихъ ученыхъ, съ цѣлію приобрѣсти обстоятельныя познанія относительно іудейскихъ преданій и воззрѣній іудеевъ на исторію свящ. вз. книгъ и исторію ихъ текста, а также съ цѣлію ознакомленія съ способами обработки и изъясненія св. писанія въ различныхъ іудейскихъ школахъ. Не довольствуясь изученіемъ еврейской литературы, Буксторфъ велъ постоянную переписку съ современными ему іудейскими учеными Германіи, Польши и Италіи по поводу тѣхъ или другихъ библейскихъ вопросовъ и тщательно поддерживалъ близкія личныя отношенія съ базельскими евреями, чтобы такимъ путемъ изучить еврейскіе нравы и обычаи и имѣть въ евреяхъ полезныхъ помощниковъ при изданіи еврейскихъ сочиненій. Своимъ основательнымъ знакомствомъ съ іудейскимъ преданіемъ, своею обширною начитанностію въ ученой еврейской литературѣ Буксторфъ не преминулъ воспользоваться. Будучи искреннимъ приверженцемъ протестантскихъ вѣрованій и воззрѣній, Буксторфъ поставилъ своею задачею—съ одной сто-

роны поддержать, вопреки послѣдователямъ римской церкви, достоинство еврейскаго текста вз. книгъ посредствомъ указаній на внимательную обработку и на тщательное, исключавшее возможность какихъ бы то не было измѣненій, охраненіе его іудеями съ древнѣйшихъ временъ, съ другой—доказать несомнѣнность іудейскихъ свидѣтельствъ о томъ, что настоящій внѣшній видъ текста есть первоначальный, никогда не подвергавшійся какимъ либо переменамъ, и своими доказательствами устранить то недобровѣріе къ этимъ свидѣтельствамъ, которое высказывалось даже представителями реформации—Лютеромъ, Цвингли и Кальвиномъ. Взгляды Буксторфа на вз. подлинный текстъ были высказаны имъ главнымъ образомъ въ сочиненіи: *Tiberias sive commentarius masoreticus triplex, historicus, didacticus, criticus etc.* (Тиверіада, или тройкій мазоретскій комментарий—историческій, дидактический, критическій и проч.). Въ этомъ сочиненіи Буксторфъ изложилъ, на основаніи іудейскаго преданія, исторію мазоры ²⁾ и представилъ опроверженіе того мнѣнія, по которому мазора возникла послѣ завершения талмуда, благодаря дѣятельности ученыхъ іудеевъ тиверіадской школы. Въ сочиненіи часто идетъ рѣчь о томъ, что, по мнѣнію Буксторфа, было плодомъ занятій тиверіадскихъ іудеевъ; отсюда, кажется, и названіе: *Tiberias* ³⁾. — Ученые труды Буксторфа, клонившіеся въ пользу протестантскаго возрѣнія на вз. подлинный текстъ не остались незамѣченными: они вызвали возраженія. Учеными противниками взглядовъ Буксторфа явились французскіе богословы—Іоаннъ Моринусъ и Людовикъ Капеллусъ.

Іоаннъ Моринусъ (1591—1659) родился въ реформатскомъ семействѣ, но перешелъ въ католичество и сдѣлался горя-

²⁾ Мазора מַזְרָה преданіе. Слово „мазор“ употребляется для наименованія заключеннаго въ письмена устнаго іудейскаго преданія относительно библейскаго текста; мазореты—лица, записавшія это преданіе. О той и другихъ рѣчь будетъ далѣе.

³⁾ См. Bertheau, Buxtorff. Real-Encykl. B. 2, S. 479—481.

чимъ противникомъ протестантства. Въ своихъ сочиненіяхъ, заключающихъ въ себѣ критическія изслѣдованія относительно подлиннаго вз. текста, Моринусъ старался доказывать между прочимъ, что текстъ самарянскаго пятокнижія, какъ болѣе правильный, имѣетъ рѣшительное преимущество предъ настоящимъ іудейско-мазоретскимъ ⁴⁾ текстомъ библии, и что знаки для обозначенія гласныхъ звуковъ, употребляемые въ послѣднемъ текстѣ, имѣютъ сравнительно недавнее происхождение. Главный трудъ Моринуса по части библейской критики, замѣчательный своею ученостію и многими достойными вниманія частными изслѣдованіями, носитъ названіе:

⁴⁾ Моринусъ, Капеллусъ и др. полагали, что пятокнижіе самарянъ перешло къ нимъ непосредственно изъ царства израильскаго послѣ его разрушенія. По мнѣнію же новѣйшихъ ученыхъ (основательнѣйшему) самарянская рецензія пятокнижія возникла въ Египтѣ между тамошними іудеями и оттуда могла перейти къ самарянамъ послѣ плѣна вавилонскаго не ранѣе того времени, какъ у самарянъ было учреждено постоянное служеніе Іеговѣ на горѣ Гаризимъ.

Уклоненія самарянской рецензіи пятокнижія отъ общепотребительнаго еврейскаго текста библии очень многочисленны. Уклоненія эти частію касаются лишь орфографіи и грамматическихъ формъ; частію же состоятъ въ измѣненіяхъ и добавленіяхъ сдѣланныхъ несомнѣнно съ тою цѣлію, чтобы уяснить смыслъ извѣстныхъ мѣстъ, устранить дѣйствительныя или кажущіяся затрудненія, представляемыя текстомъ и уничтожить то, что было несогласно съ историческими и догматическими представленіями самарянъ. Такъ въ самарянской рецензіи пятокнижія встрѣчаются измѣненія хронологическихъ данныхъ относительно напр. времени пребыванія евреевъ въ Египтѣ. Далѣе въ ней во всѣхъ разказахъ о богоявленіяхъ являющійся не называется Богомъ Іеговою, но всегда ангеломъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ еврейскомъ текстѣ говорится прямо о Іеговѣ. Особенно же замѣчательно то, что въ самарянскомъ пятокнижіи та гора, на которой, по повелѣнію Моисея, должно было поставить камни съ начертаннымъ на нихъ закономъ,

Exercitationum biblicarum de hebraei graecique textus sinceritate libri duo (Двѣ книги библейскихъ изслѣдованій о неповрежденности еврейскаго и греческаго текстовъ). Первая часть его была напечатана въ 1633 г., въ полномъ же объемѣ онъ появился въ 1669 г. уже по смерти автора. Въ названномъ трудѣ раскрыто то положеніе, что оригинальные тексты библіи съ теченіемъ времени, вслѣдствіе небрежности переписчиковъ, настолько повредились, что ими невозможно пользоваться, какъ благонадежными и что поэтому при изученіи вз. книгъ необходимо слѣдуетъ придерживаться LXX и особенно, какъ при изученіи в., такъ и н. завѣта, вульгаты, этого самоподлиннаго церковнаго перевода. Ратуя противъ возрѣній протестантовъ на св. писаніе, какъ на единственный источникъ вѣры, Моринусъ въ своемъ трудѣ усиливался доказать своимъ противникамъ, — какъ мало надежно само по себѣ св. писаніе безъ подчиненія, при его употребленіи, авторитету церкви.

Людовикъ Капеллусъ (Louis Cappel, Ludovicus Capellus) реформатъ, обладавшій серьезнымъ и многостороннимъ богословскимъ образованіемъ, основательнымъ знаніемъ языковъ арабскаго и еврейскаго, профессоръ послѣдняго въ Saumur'ской академіи, отличался безпристрастіемъ и самостоятельностью въ изслѣдованіяхъ. Главною задачею своихъ ученыхъ занятій Капеллусъ поставилъ — изученіе исторіи вз. подлиннаго текста и опроверженіе тѣхъ малоосновательныхъ возрѣній на этотъ текстъ, которыя были раздѣляемы протестантами.

названа не Геваломъ (Второз. 27, 4), какъ въ еврейскомъ текстѣ, а Гаризимомъ, очевидно съ намѣреніемъ возвысить значеніе Гаризима, священной для самарянъ горы.

Обстоятельное сличеніе самарянской рецензіи пятокнижія съ еврейскимъ текстомъ служить лишь доказательствомъ той великой заботливости палестинскихъ іудеевъ, съ какою они охраняли отъ всякихъ измѣненій и поврежденій священный оригинальный текстъ ветхозавѣтной библіи.

Первымъ его сочиненіемъ, направленнымъ къ выполнению указанной задачи, было: *Arcanum punctationis revelatum* (Разоблаченная тайна пунктаціи). Написавъ это сочиненіе, Капеллусъ послалъ его въ рукописи въ Базель къ Буксторфу старшему, желая узнать мнѣніе знаменитаго ученаго о своемъ трудѣ. Буксторфъ возвратилъ рукопись, признавъ всю трудность вопроса, затронутаго въ ней авторомъ, и въ то же время просилъ его не обнародывать своего мнѣнія о сравнительно позднемъ происхожденіи еврейской пунктаціи ни посредствомъ чтеній, ни печатно, такъ какъ оно можетъ привести къ опаснымъ слѣдствіямъ. Сочиненіе было однакоже напечатано въ Лейденѣ въ 1624 г. Въ немъ Капеллусъ доказывалъ, что еврейская пунктаціа существуетъ не отъ начала міра, не была употребляема Моусеемъ и другими священными писателями, не можетъ быть названа изобрѣтеніемъ Ездры, но что она придумана уже по окончаніи вавилонскаго талмуда іудейскими критиками и ими присоединена къ основнымъ согласнымъ литерамъ вз. текста. Капеллусъ подтверждаетъ свои положенія множествомъ историческихъ свидѣтельствъ и раскрываетъ ихъ спокойно; видно, что онъ былъ убѣжденъ въ справедливости того, что говорилъ, и твердо вѣрилъ, что его воззрѣнія нисколько не повредятъ достоинству св. писанія.—Второе знаменитое сочиненіе Капеллуса по исторіи вз. подлиннаго текста есть его *Critica sacra sive de variis quae in sacris V. T. libris occurrunt lectionibus libri sēx* (священная критика или шесть книгъ о различныхъ чтеніяхъ, которыя встрѣчаются въ свящ. книгахъ ветхаго завѣта). Различныя чтенія въ параллельныхъ мѣстахъ вз. писаній, уклоненія древнихъ переводовъ отъ мазоретскаго текста привели Капеллуса къ заключенію, что воззрѣнія протестантовъ на вз. подлинный текстъ, какъ совершенно правильный лишено твердыхъ историческихъ основаній. Въ первыхъ пяти книгахъ своей *critica sacra* Капеллусъ представилъ слѣдующія изысканія: 1) о параллельныхъ мѣстахъ в. завѣта; здѣсь авторъ имѣлъ въ виду доказать, что различныя

чтенія не должны быть объясняемы намѣреннымъ поврежденіемъ текста; 2) о цитатахъ в. завѣта въ новомъ; 3) о различныхъ чтеніяхъ *keri* и *kethib* ⁵⁾, о рукописяхъ восточныхъ и западныхъ іудеевъ, о печатныхъ изданіяхъ библии, о мазоретскомъ и самарянскомъ текстахъ пятокнижія; 4) о уклоненіяхъ отъ мазоретскаго текста въ переводѣ LXX; 5) о подобныхъ же уклоненіяхъ въ другихъ древнихъ переводахъ, въ талмудѣ и въ древнихъ сочиненіяхъ іудеевъ. Въ шестой книгѣ Капеллусъ старался показать то, какимъ образомъ слѣдуетъ смотрѣть на различныя чтенія, и затѣмъ то, что вызываемое различіемъ чтеній сомнѣніе въ совершенной правильности подлиннаго вз. текста не можетъ повредить достоинству писанія и не имѣетъ никакого значенія относительно предметовъ, касающихся вѣры и нравственности. *Critica sacra* послѣ многолѣтнихъ занятій его, была окончена Капеллусомъ въ 1634 г.; но печатаніе ея замедлилось вслѣдствіе противоdѣйствія протестантовъ. Лишь въ 1650 г. сынъ Капеллуса Іоаннъ, перешедшій въ католичество и находившійся въ Парижѣ, исходатайствовалъ у короля позволеніе напечатать сочиненіе отца въ королевской типографіи. Въ изданіи книги принималъ также дѣятельное участіе Моринусъ, по своей непріязни къ протестантамъ. Впрочемъ современные Капеллусу ученые ознакомились съ содержаніемъ его труда, за долго до его напечатанія, по рукописямъ. — Третьимъ трудомъ Капеллуса по исторіи вз. текста было сочиненіе: *Diatriba de veris et antiquis Hebraeorum litteris* (Ислѣдованіе о дѣйствительныхъ и древнихъ письменахъ евреевъ). Въ немъ авторъ доказывалъ, что шрифтъ самарянскаго пятокнижія есть древнѣйшій, по сравненію съ квадратнымъ шрифтомъ мазоретскаго текста.

⁵⁾ כתיב *kéthib* (то, что написано) есть такое чтеніе въ подлинномъ вз. текстѣ, противъ котораго на поляхъ рукописи начертано. чтеніе иное קרי *këri* (то, что слѣдуетъ читать), по предположенію іудейскихъ ученыхъ, болѣе правильное.

Но если протестантскія воззрѣнія на вз. подлинный текстъ, научно защищаемыя Буксторфомъ старшимъ, вызвали ученыя опроверженія со стороны своихъ противниковъ; то и труды послѣднихъ, и особенно труды Капеллуса, подали въ свою очередь, поводъ къ оживленной и страстной полемикѣ. Противъ выводовъ Капеллуса относительно еврейскаго текста вз. книгъ со всею энергіею вооружился Буксторфъ сынъ (1599—1664), наслѣдовавшій отъ отца, вмѣстѣ съ ученостію, и всѣ его взгляды. Противъ книги Капеллуса: *Arcanum punct. revelatum* Буксторфъ-сынъ выступилъ съ сочиненіемъ: *Tractatus de punctorum origine, antiquitate et auctoritate, oppositus arcano punct. revelato L. Cappelli. 1648.* (Трактатъ о происхожденіи, древности и значеніи пунктовъ, направленный противъ сочиненія Л. Капеллуса „Разоблаченная тайна пунктаціи“). Въ этомъ сочиненіи Буксторфъ, осыпая противника укоризнами, доказывалъ, на основаніи іудейскаго преданія, что еврейская пунктація произошла или отъ Моисея и другихъ свящ. писателей, или придумана Ездрую и съ тѣхъ поръ была сохраняема въ неизмѣнномъ видѣ. Цѣлю своего трактата Буксторфъ поставилъ—защитить истинность, подлинность, правильность и неповрежденность (*veritas, authentia, sinceritas et integritas*) современныхъ ему еврейскихъ кодексовъ и указать на нихъ, какъ на норму, съ помощію которой слѣдуетъ исправлять древніе переводы въ ихъ уклоненіяхъ отъ еврейскаго текста. Кромѣ *Arc. punct. revelat.*, Буксторфъ, составляя свой „*Tractatus*“, имѣлъ въ виду и „*Critica sacra*“ Капеллуса, съ содержаніемъ которой онъ имѣлъ случай познакомиться прежде ея напечатанія, и ратуя противъ перваго сочиненія своего противника, въ то же время оспаривалъ въ трактатѣ выводы втораго; это побудило Капеллуса издать, вмѣстѣ съ „*Critica sacra*“, особое сочиненіе: *Justa defensio adversus injustum censorem* (Правдивая защита противъ несправедливаго критика). Когда *Critica sacra* вышла въ свѣтъ, Буксторфъ издалъ противъ нея отдѣльную

книгу подъ заглавіемъ: *Anticritica seu vindiciae veritatis hebraeae adversus Lud. Capelli criticam quam vocat sacram ejusque defensionem, quibus sacrosanctae editionis bibliorum hebraeae autoritas, integritas et sinceritas a variis ejus strophis et sophismatis, quamplurima loca a temerariis censuris et variarum lectionum commentis vindicantur etc.* (Антикритика, или полемическія изслѣдованія о подлинномъ еврейскомъ текстѣ противъ критики Л. Капеллуса, которую онъ называетъ священной, и противъ его защищенія, коими (изслѣдованіями) отстаиваются—авторитетъ, цѣлость и неповрежденность священнаго еврейскаго кодекса библии отъ его (Капеллуса) несправедливостей и софизмовъ, многочисленныя мѣста—отъ его дерзновенныхъ исправленій и различныхъ ложныхъ чтеній и пр.). Уже изъ этого обширнаго заглавія можно видѣть, какой цѣли думалъ достигнуть въ своей книгѣ Буксторфъ. Цѣль представлялась ему достижимой, такъ какъ онъ со многими изъ своихъ протестантскихъ современниковъ считалъ преданіе іудейскихъ раввиновъ вполне достаточною опорою для своихъ доказательствъ. Капеллусъ не оставлялъ безъ отраженія нападеній Буксторфа на каждый полемическій трудъ послѣдняго онъ отвѣчалъ отдѣльными трактатами.

Споръ между Капеллусомъ и Буксторфомъ-сыномъ раздѣлилъ современныхъ имъ ученыхъ, интересовавшихся предметомъ спора, на два противоположные лагеря. Большинство ученыхъ Франціи, Англіи и Бельгии примкнуло къ Капеллусу; напротивъ, почти всѣ ученые Германіи и Швейцаріи приняли сторону Буксторфа. Изъ послѣдующихъ, наиболѣе извѣстныхъ, ученыхъ конца XVII и начала XVIII вв. взглядовъ Капеллуса держался Ричардъ Симонъ (1638—1712), одинъ изъ представителей послѣдняго блестящаго періода католической науки и основатель библейской исагогики, или, такъ называемаго, критическаго введенія въ св. Писаніе; возрѣнія же Буксторфа раздѣлялъ Карпцовъ (Іоаннъ Готлибъ †1767). Ричардъ Симонъ

постарался отнестись со всевозможнымъ безпристрастіемъ къ подлинному вз. тексту. Онъ соглашался (*Histoire critique du Vieux Testament*, 1678), что мазоретскій текстъ, относительно правильности, можетъ выдержать сравненіе съ древними переводами, но вмѣстѣ съ тѣмъ считалъ этотъ текстъ далекимъ отъ полнаго совершенства и потому требующимъ исправленій. По его мнѣнію еврейская пункція, а также квадратный шрифтъ—сравнительно недавняго происхожденія. Что же касается Карпцова, то онъ напротивъ, подобно Буксторфу, настаивалъ на совершенной неизмѣнности подлиннаго вз. текста съ тѣхъ отдаленныхъ временъ, когда появились впервые свящ. вз. книги. Такъ въ своей „*Critica sacra*“ (1728) Карпцовъ утверждалъ, между прочимъ, что евр. вз. текстъ со всѣмъ, что мы въ немъ теперь видимъ, даже съ раздѣленіемъ на стихи, произошелъ отъ самихъ свящ. писателей.

Послѣ временнаго затишья, занятія еврейскимъ текстомъ библіи, въ срединѣ прошлаго вѣка, снова оживились. С. Ф. Houbigant издалъ въ Парижѣ, 1745 г., *Prolegomena in scripturam sacram* (Введеніе въ св. писаніе), гдѣ онъ защищалъ то мнѣніе, что еврейскія рукописи, положенныя въ основу печатныхъ изданій библіи ветхозавѣтной, очень испорчены, вслѣдствіе небрежности и невѣжества переписчиковъ. Для восстановленія текста онъ считалъ возможнымъ обращаться не только къ сличенію различныхъ еврейскихъ рукописей, древнихъ переводовъ и самарянскій рецензій пятокнижія, но и къ критикѣ, основанной на догадкахъ. Противникомъ Houbigant'a явился Sebaldu Rau съ своими *Exercitationes philologicae ad Houbigantii prolegomena* (Филологическія изслѣдованія по поводу введенія Houbigant'a). Въ прошедшемъ же вѣкѣ (во второй его половинѣ) были предприняты замѣчательные по своей громадности труды сличенія еврейскихъ списковъ свящ. книгъ англичаниномъ Kennicot'омъ и итальянцемъ Rossi, съ цѣлію найти въ еврейскихъ рукописяхъ до-

казательства поврежденности еврейскаго свящ. текста. Эти ученые сличили 1346 экземпляровъ различныхъ рукописей.

Ученые, о которыхъ мы упомянули, не были, конечно; свободны отъ односторонностей и крайнихъ увлеченій при раскрытіи своихъ взглядовъ на подлинный вз. текстъ: неизбежное слѣдствіе новосги предмета, на который было обращено ихъ вниманіе, и особенно современныхъ имъ догматическихъ воззрѣній, которыми они руководствовались въ своихъ ученыхъ работахъ. Тѣмъ не менѣе ихъ изслѣдованіями добыты основныя данныя, главнѣйшіе выводы относительно исторіи подлиннаго вз. текста, и благодаря лишь ихъ по истинѣ замѣчательнымъ трудамъ, ихъ оживленной полемикѣ между собой, въ настоящее время установился правильный, говоря вообще, взглядъ на подлинный вз. текстъ въ его настоящемъ видѣ. Такъ теперь считается - уже не подлежащимъ сомнѣнію, что послѣднія окончательныя работы относительно внѣшней стороны вз. текста не принадлежать Ездрѣ и современнымъ ему вдохновеннымъ мужамъ, что настоящій видъ этого текста есть дѣло позднѣйшихъ временъ и результатъ трудовъ многихъ лицъ, преемственно слѣдовавшихъ другъ за другомъ, что наконецъ текстъ этотъ имѣетъ далеко не абсолютное, а лишь относительное совершенство.

Приступая за симъ къ самому очерку исторіи подлиннаго вз. текста, мы, для болѣе удобнаго обозрѣнія фактовъ къ ней относящихся, раздѣлимъ ее, слѣдуя Дилльману ⁶⁾, на четыре періода: I-й древнѣйшій, до собранія свящ. вз. книгъ въ канонъ, когда вз. текстъ возникалъ впервые; II-й со времени завершения канона до завершения талмуда, или періодъ домазоретскій, когда были совершены всѣ главнѣйшія работы относительно текста; III-й мазоретскій, когда результаты трудовъ предшествующаго періода, сохранявшіеся по преимуществу

⁶⁾ См. Dillman, Bibeltext des A. T.; Real-Encykl., Bd. 2, s. 141—158. Дилльману же мы будемъ слѣдовать, главнымъ образомъ, и въ дальнѣйшемъ изложеніи.

путемъ устнаго преданія, были увѣковѣчены въ письмени и въ текстѣ получилъ тотъ видъ, въ которомъ онъ существуетъ въ настоящее время; и IV-й послѣ-мазоретскій, — періодъ тщательнаго сохраненія и распространенія текста мазоретскаго.

1. Относительно древнѣйшей, такъ сказать, доканонической и совпадающей со временемъ возникновенія канона исторіи текста въ писаній мы не имѣемъ положительныхъ, опредѣленныхъ свидѣтельствъ, а лишь незначительное число непрямыхъ указаній. Съ вѣроятностію можно утверждать только то, что въ тогдашнее отдаленное время письмена имѣли древне-еврейскій характеръ, почти тождественный съ древне-финикійскимъ; что тогда не было еще въ обычаѣ отдѣлять каждое слово отъ слѣдующаго за нимъ какимъ либо знакомъ или опредѣленнымъ пространствомъ, доказательствомъ чему служить то, что въ позднѣйшихъ текстахъ очень нерѣдко встрѣчается неправильное раздѣленіе словъ. Существовало-ли подраздѣленіе текста на большіе и меньшіе отдѣлы на подобіе стиховъ, неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ правильнаго подраздѣленія не было, а если было, то лишь по мѣстамъ и притомъ случайное. Впрочемъ поэтическія книги дѣлились, какъ кажется, на стихи и полустихія; по крайней мѣрѣ такое дѣленіе имѣетъ мѣсто во всѣхъ древнѣйшихъ рукописяхъ, а у другихъ восточныхъ народовъ, какъ напр. у Арабовъ, подобное дѣленіе поэтическихъ произведеній было издревде въ обычаѣ. Одно лишь несомнѣнно можно утверждать относительно древнееврейскаго текста, — это то, что онъ не имѣлъ знаковъ, которые бы обозначали собою гласные звуки, и состоялъ изъ однихъ согласныхъ литеръ; только въ рѣдкихъ и наиболѣе затруднительныхъ случаяхъ были употребляемы для обозначенія гласныхъ *i* и *y*, *e* и *o* знаки родственныхъ имъ звуковъ *jod* и *chav*; а позднѣе *Aleph* и *He*. Затрудненія, которыя естественно возникали при чтеніи писаній, вслѣдствіе недостатка гласныхъ знаковъ, были устраняемы, въ то время когда еще языкъ не замеръ, живымъ его пониманіемъ, хотя нельзя не признать, что такой невокализированный текстъ и тогда долженъ былъ служить

источникомъ очень многихъ недоразумѣній для малоопытныхъ читателей.—О способъ распространенія и сохраненія текста въ древнее время свѣдѣній рѣшительно нѣтъ никакихъ. На этотъ счетъ существуютъ лишь предположенія, но такія, съ которыми невозможно согласиться.—Такъ Капеллусъ, Фогель, Эйдехорнъ, де-Ветте и другіе полагаютъ, что еврейскій текстъ ветхозавѣтныхъ священныхъ книгъ потерпѣлъ не мало поврежденій и искаженій вслѣдствіе небрежности и произвола переписчиковъ и вообще находился въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, пока священные ветхозавѣтныя книги не были собраны въ канонъ и не пользовались тѣмъ уваженіемъ, съ какимъ стали относиться къ нимъ евреи въ позднѣйшее время. Но предположеніе это не имѣетъ однакоже достаточныхъ основаній. Оно опирается главнымъ образомъ на тѣхъ уклоненіяхъ, которыя представляютъ параллельныя мѣста различныхъ ветхозавѣтныхъ книгъ, сравниваемыхъ между собою. Но уклоненія эти никакъ не могутъ быть объяснены небрежностію и произволомъ переписчиковъ и никакъ не свидѣтельствуютъ о поврежденіи свящ.-еврейскаго текста еще до времени возникновенія ветхозавѣт. канона. Они доказываютъ лишь то, что ветхозавѣтные писатели свободно и самостоятельно пользовались находившимися въ ихъ распоряженіи источниками до тѣхъ поръ, пока въ теократіи было сознаваемо дѣйствіе животворящаго и всѣмъ руководящаго Духа Божія, нисколько не сомнѣвались переработывать и свои собственныя и чужія произведенія сообразно съ потребностями времени.—Капеллусъ, а вслѣдъ за нимъ и его послѣдователи, при разсмотрѣніи параллельныхъ мѣстъ въ ветхозавѣт. писаніяхъ, придерживались слѣдующаго положенія, какъ руководительнаго критическаго начала: „только одно изъ двухъ параллельныхъ мѣстъ можетъ быть признано первоначальнымъ подлиннымъ, на другое же затѣмъ слѣдуетъ смотрѣть какъ на неподлинное, сомнительное“. Но, по справедливому замѣчанію Геферника, ⁷⁾ въ этомъ

7) Hävern., Einleit. 1, 1 S. 326.

основномъ руководственномъ положеніи переѣшаны начала критики и экзегетики. Ибо хотя несомнѣнно, что нѣкоторое различіе въ двухъ параллельныхъ мѣстахъ можетъ и должно привести, въ экзегетическомъ отношеніи, къ опредѣленію или болѣе ранняго, или болѣе поздняго или же одновременнаго происхожденія этихъ мѣстъ; но для критики оба чтенія имѣютъ значеніе подлинныхъ, первоначальныхъ и какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ она имѣетъ дѣло съ оригиналами, поелику до времени завершенія канона священ. текстъ и его обработка были свободнымъ дѣломъ теократіи и призванныхъ къ тому богопросвѣщенныхъ людей. И въ этомъ между прочимъ обстоятельствѣ, т. е. въ томъ, что въ обществѣ израильскомъ, управлявшемся самимъ Богомъ, всегда находились богопросвѣщенные мужи—пророки, которые съ тѣмъ и воздвигаемы были Господомъ, чтобы быть стражами дома Израилева (Иса. 52,8) и блюстителями Господнихъ откровеній (Иса. 8,16.); въ этомъ обстоятельствѣ заключалось наилучшее средство къ надлежащему охраненію священнаго текста отъ всякихъ измѣненій и искаженій намѣренныхъ ли, или ненамѣренныхъ. Чтоже касается лицъ, припявшихъ на себя трудъ собранія свѣц. вѣз. книгъ въ канонъ, то ихъ всего менѣе можно заподозрить хотя бы въ самомъ незначительномъ измѣненіи текста. Что эти лица съ величайшею добросовѣстностію исполнили дѣло собранія,—это видно изъ того общеизвѣстнаго факта, что они внесли въ канонъ не только найденныя ими различныя переработки отдѣльныхъ частей текста ⁸⁾, но такъ же и параллельныя мѣста въ разныхъ книгахъ со всѣми находящимися въ нихъ вариантами, разностями и кажущимися противорѣчіями, ⁹⁾—внесли, не позволивъ себѣ никакихъ ис-

⁸⁾ Таковы напр. дважды встрѣчающіеся одни и тѣ же псалмы лишь съ нѣкоторыми видоизмѣненіями 13 и 52; 107, 56, 8—12 и 59, 7—14; пс. 17 и 2 Ц. 22. и др.

⁹⁾ Сюда принадлежатъ всѣ параллельныя мѣста съ одной стороны въ книг. Царствъ, съ другой въ книг. Паралипоменонъ.

правлений, хотя исправленія эти могли казаться умѣстными и удобоисполнимыми; чѣмъ собиратели между прочимъ засвидѣтельствоваали о своей увѣренности въ совершенной правильности текста священныхъ ветхозавѣтныхъ книгъ.

II. Новый періодъ въ исторіи вз. подлиннаго текста начинается послѣ плѣненія, съ того времени, когда вз. книгамъ усвоенъ былъ каноническій авторитетъ, и когда къ нимъ стали относиться, какъ къ писаніямъ священнымъ и заниматься обработкой ихъ съ тщательностію и добросовѣстностію, все болѣе и болѣе возрастающими. Исходнымъ пунктомъ этого періода служатъ времена Ездры, конечнымъ его предѣломъ—время завершения талмуда, совпадающее съ концемъ V в. по Р. X. Періодъ этотъ можетъ быть названъ домазоретскимъ въ противоположность съ періодомъ послѣдующимъ, известнымъ подъ именемъ мазоретскаго. Въ продолженіе его былъ окончательно установленъ образъ начертанія вз. текста и самый этотъ текстъ, опредѣлены въ главныхъ чертахъ чтеніе и подраздѣленіе этого текста и получила начало значительная часть того критико-экзегетическаго и грамматическаго аппарата, который впоследствии составилъ содержаніе мазоры. Измѣненіе, относительно внѣшняго вида текста, происшедшее въ домазоретскій періодъ, состояло въ измѣненіи начертанія письменъ. Древнееврейскій шрифтъ, сходный съ древнефиникійскимъ и употреблявшійся евреями до времени плѣненія, измѣнился мало по малу подвліяніемъ арамейскаго въ такъ называемый квадратный шрифтъ, известный также подъ названіемъ ассирійскаго. Гудейское сказаніе, въ томъ видѣ, въ какомъ оно является въ талмудѣ и затѣмъ повторяется Оригеномъ и Иеронимомъ, приписываетъ введеніе квадратнаго шрифта или письма Ездры, прямо называетъ его арамейскимъ, и утверждаетъ, что евреи приняли его вмѣсто прежняго, издревле между ними употреблявшагося, предоставивъ этотъ послѣдній лишь самарянамъ. Новѣйшія научныя изысканія (Гезенуса, Гупфельда и др.) подтвердили отчасти это сказаніе, именно они признали за квадратнымъ шрифтомъ арамейское происхожденіе и въ памятникахъ древ-

яго арамейскаго письма, сохранившихся въ надписяхъ, найденныхъ въ развалинахъ Пальмиры, указали элементы, изъ которыхъ квадратный шрифтъ могъ развиться. Но въ то же время научныя изслѣдованія открыли въ квадратномъ письмѣ не мало элементовъ, характеризующихъ собою и древнееврейскія письма *). Это привело къ тому выводу, что квадратный шрифтъ не можетъ быть названъ въ собственномъ смыслѣ арамейскимъ нѣсколько видоизмѣненнымъ, но что онъ представляетъ собою скорѣе послѣднюю степень развитія шрифта древнееврейскаго, развитія, совершившагося подъ непрерывнымъ вліяніемъ письменъ арамейскихъ. Выводъ этотъ естественно устранилъ и ту часть іудейскаго сказанія, что будто квадратный шрифтъ введенъ Ездрую. Развитіе квадратнаго письма конечно могло начаться при Ездрѣ, но придти къ окончанію должно было спустя не мало времени послѣ этого мужа.

Съ этимъ нельзя не согласиться. Трудно, въ самомъ дѣлѣ, представить, чтобы новый способъ начертанія письменъ могъ внезапно замѣнить собою прежній общеизвѣстный и притомъ въ книгахъ, которыя должны были находиться въ постоянномъ употребленіи. Такая замѣна могла совершиться не иначе, какъ постепенно, въ теченіе довольно значительнаго періода времени. Но каковъ именно былъ этотъ періодъ, мы не знаемъ, по недостатку положительныхъ данныхъ. Извѣстно лишь, что въ концѣ IV в. предъ Р. X. самаряне приняли отъ евреевъ вмѣстѣ съ пятокнижіемъ и древнееврейскій способъ начертанія письменъ, который, слѣдовательно, былъ тогда между евреями уже въ употребленіи; извѣстно также, что этотъ способъ начертанія употреблялся и въ періодъ маккавейскій на монетахъ и слѣдовательно, въ тотъ періодъ не былъ чуждъ народу ¹⁰⁾. Во

*) См. прилагаемую таблицу древнихъ письменъ.

¹⁰⁾ Древнееврейскія письма находятся на монетахъ, чеканныхъ при Юдаеанѣ, Симонѣ, Александрѣ, Антигонѣ и Іаписѣ. На монетахъ, сохранившихся до насъ отъ временъ названныхъ правителей встрѣчаются почти всѣ лигеры еврейскаго алфавита (за исключеніемъ трехъ).

Таблица сѣвѣтѣишхъ письменныхъ знакъ

ДРЕВНЕ-ГРЕЧ.	ФИНИК.	ЕВРЕЙСК. ДРЕВН. МОШЕТИ	САМАРИТ.	ПАЛЬМИРСК.	ХАЛДЕЙСК. КВА.
Α	Ⲁ	Ⲁ ⲁ Ⲃ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ
Β	Ⲃ	Ⲃ ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ
Γ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ
Δ	Ⲃ	Ⲃ ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ
Ε	Ⲃ	Ⲃ ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ
Ζ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ
Θ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ
Ι	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ
Κ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ
Λ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ
Μ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ
Ν	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ
Ξ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ
Ο	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ
Π	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ
Ρ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ
Σ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ
Τ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ

всякомъ, впрочемъ, случаѣ несомнѣнно, что во времена Христа Спасителя переходъ древнееврейскаго прифта въ квадратный уже совершился. Подтверженіемъ этого могутъ служить слѣдующія слова Спасителя: ни одна іота или ни одна черта не преидеть изъ закона, пока не исполнится все (Мѡ. 5, 18). Здѣсь іотъ названъ малѣйшей буквою алфавита, какою онъ и является, именно въ квадратномъ письмѣ; здѣсь упоминается о черточкахъ или небольшихъ рожкахъ, которые начертываются на верхнихъ оконечностяхъ нѣкоторыхъ буквъ квадратнаго прифта. Шрифтъ этотъ во времена Оригена разсматривался уже какъ нѣчто древнее и приписывался Ездру; слѣдовательно былъ тогда вполне и уже издавна завершеннымъ. Описанія же нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мѣстъ, какія даютъ намъ Иеронимъ и талмудъ, совершенно соотвѣтствуютъ тѣмъ формамъ, которыя эти литеры имѣютъ и въ современныхъ еврейскихъ рукописяхъ. На основаніи приведенныхъ фактовъ мы въ правѣ заключить, что письмена свящ. въ. текста окончательно отделились въ формы квадратнаго прифта въ началѣ христіанской эры. Такъ дѣйствительно и должно было быть. Ибо мы знаемъ, что вскорѣ по разрушеніи Іерусалима, между іудеями развилась мелочная мертвенная обрядность, привязанность къ буквѣ писаній въ собственномъ смыслѣ; а это, конечно, должно было неминуемо положить предѣлъ дальнѣйшему развитію квадратнаго письма; знаемъ далѣе, что Талмудъ, который началъ слагаться съ того времени, старался возводить на степень закона то, что ранѣе было лишь обычаемъ, вслѣдствіе чего и составилъ, между прочимъ, подробныя правила относительно каллиграфіи и сдѣлалъ ихъ для всѣхъ евреевъ обязательными ¹¹⁾. Въ силу этихъ-то обязательныхъ правилъ квадратное письмо, какимъ было въ тѣ отдаленныя времена, такимъ осталось и до настоящаго времени, притомъ повсюду,

¹¹⁾ Всѣ эти правила изложены главнымъ образомъ въ одномъ изъ дополнительныхъ трактатовъ талмуда, известномъ подъ именемъ соферимъ.

гдѣ только живетъ еврейское племя. И потому, какъ бы мы тщательно ни сличали еврейскія рукописи различныхъ временъ и странъ, мы не найдемъ въ нихъ значительныхъ разностей, что нѣсколько не удивительно при изумительной подробности каллиграфическихъ правилъ талмуда ¹²⁾.

Изъ того глубокаго уваженія, каковымъ свящ. книги пользовались въ рассматриваемый періодъ между евреями, естественно должна была вытечь необходимость самой тщательной ихъ обработки, и прежде всего необходимость критической провѣрки и прочнаго установленія текста, такъ чтобы онъ своими начертаніями, выражалъ тотъ именно смыслъ, который имѣли въ виду свящ. писатели, и навсегда былъ обезопасенъ отъ

¹²⁾ Нужно, впрочемъ, замѣтить, что вопросъ о способѣ и времени замѣны древнееврейскаго письма письмомъ квадратнымъ — вопросъ спорный и перѣшенный окончательно. Такъ наприм. Блекъ считаетъ совершенно неправильнымъ то мнѣніе, будто квадратное письмо составляетъ послѣднюю ступень развитія древнееврейскаго шрифта, — развитія совершавшагося подъ вліяніемъ шрифта арамейскаго, и что будто развитіе это было закончено ко временамъ Христа Спасителя. Блекъ вполне полагается на правильность свидѣтельствъ Талмуда и все дѣло представляетъ себѣ въ слѣдующемъ видѣ: по соображеніямъ Блека въ глубокой древности у всѣхъ народовъ семитскаго племени существовалъ одинаковый способъ начертанія письменъ, одинъ шрифтъ. Но шрифтъ этотъ съ теченіемъ времени оразнообразился и въ различныхъ странахъ области семитовъ получилъ различный характеръ, и именно: характеръ финикійскій или древнееврейскій въ западной половинѣ названной области, и арамейскій или вавилонскій характеръ въ половинѣ восточной. Ко временамъ вавилонскаго плѣненія эти двѣ вѣтви одного первобытнаго семитскаго шрифта значительно уклонились одна отъ другой и составили два особые шрифта, такъ что для того, кто былъ знакомъ съ однимъ, другой былъ совершенно чуждымъ. Такимъ именно и былъ для евреевъ арамейскій шрифтъ, когда они, въ качествѣ плѣнниковъ, впервые пришли въ Вавилонъ. Однакоже вслѣдствіе продолжительнаго пребыванія въ Вавилонѣ евреи усвоили какъ арамейскій діалектъ, такъ и арамей-

измѣненія и искаженія. Какъ легко вкратѣся ошибкамъ въ книги при ихъ перепискѣ, несмотря на всю добросовѣстность переписчиковъ, и какъ легко умножиться этимъ ошибкамъ вслѣдствіе поврежденія рукописей,—это доказываетъ исторія литературъ всѣхъ народовъ. Могли конечно вкратѣся ошибки и въ рукописи вз. книгъ. Но поелику вз. сваяц. книги, со-
бравныя въ канонъ, употреблялись при Богослуженіи, и ими пользовались, какъ единственнымъ источникомъ гражданскихъ правъ, вѣроученія и нравоученія для цѣлаго еврейскаго об-

скаго шрифта. Этотъ послѣдній принесли они, по возвращеніи изъ плѣна, въ отечество и его письменами воспользовался Ездра, при начертаніи новыхъ списковъ священныя книгъ. Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ умноженія священныя рукописей, арамейскій шрифтъ нѣсколько видоизмѣнился, именно, благодаря тщательности еврейскихъ каллиграфовъ, принялъ правильную, изящную форму квадратнаго письма. Впрочемъ арамейское письмо послѣ плѣненія не тотчасъ же и не повсемѣстно замѣнило собою письмо древнееврейское. Напротивъ, это послѣднее продолжало не малое время существовать у евреевъ, жившихъ во время вавилонскаго плѣна и ранѣе его въ Египтѣ и не имѣвшихъ поводовъ усвоить шрифтъ арамейскій, далѣе у самарянъ, навсегда притомъ сохранившихъ его за собою, и наконецъ, даже у евреевъ палестинскихъ, такъ какъ извѣстная часть ихъ не была подвергнута тягостямъ далекаго плѣна и оставалась въ отечествѣ, вслѣдствіе чего сохранила вмѣстѣ съ древнееврейскимъ языкомъ и древнееврейское письмо. Трудно рѣшить, какой изъ несогласныхъ между собою взглядовъ на способъ и время замѣны квадратнымъ шрифтомъ шрифта древнееврейскаго наиболее близокъ къ истинѣ. Каждый изъ нихъ имѣетъ несомнѣныя основанія, но въ то же время каждый изъ нихъ имѣетъ и свои слабыя стороны — необходимое слѣдствіе крайняго недостатка въ положительныхъ данныхъ. Но какъ бы то ни было, несомнѣнно то, что до времени вавилонскаго плѣна вз. сваяц. книги начертывались шрифтомъ древнееврейскимъ, употреблявшимся самими сваяц. писателями, послѣ же плѣна для ихъ начертанія стали употреблять шрифтъ квадратный, окончательно установившійся и замѣнившій собою шрифтъ древнееврейскій ко временамъ Христа Спасителя.

щества: то конечно необходимо было обратить вниманіе и на разности, которыя могли быть въ рукописяхъ, находившихся въ обращеніи, естественно должна была возникнуть потребность въ правильномъ, критически опредѣленномъ текстѣ.

Ученныя занятія текстомъ писаній начались вѣроятно еще во времена Ездры. Самъ Ездра считался своими современниками и дѣйствительно былъ великимъ законникомъ и книжникомъ. Явившись изъ Вавилона въ Иерусалимъ съ цѣлю утвердить народъ въ законѣ, онъ конечно не ограничился изъясненіемъ закона и проведеніемъ его началъ въ жизнь общества. Вѣроятно онъ, вмѣстѣ съ лицами, помогавшими ему въ его трудахъ, занимался и текстомъ закона, его критическимъ опредѣленіемъ, что подтверждается продолжительнымъ, 13-ти лѣтнимъ удаленіемъ этого мужа отъ общественной дѣятельности; вѣроятно также, что на ряду съ закономъ было обращено вниманіе на текстъ другихъ священныхъ книгъ. По преданію, сохраненному въ талмудѣ, во времена Ездры между іудеями существовала и послѣ него процвѣтала такъ называемая великая синагога ¹³⁾. Ученымъ членамъ этой синагоги,

¹³⁾ Свѣдѣнія о великой синагогѣ заключаются въ талмудѣ и другихъ сочиненіяхъ іудейскихъ раввиновъ. По талмуду великую синагогу составляло общество свѣдущихъ въ законѣ мужей, которые стояли во главѣ іудеевъ, возвратившихся изъ плѣна вавилонскаго въ Палестину. Задачею этихъ мужей было служить представителями и хранителями отеческихъ религіозныхъ преданій, среди своихъ соотечественниковъ, дать имъ новую церковную и гражданскую организацію, и, какъ выражается талмудъ, снова возстановить величіе Бога, или возвратить прежнее значеніе тремъ Божественнымъ предикатамъ, исчисляемымъ между прочимъ Второз. 10, 17, именно предикатамъ: великій, сильный и страшный. Ездра хотя и не былъ основателемъ великой синагоги, но въ свое время былъ ея главою. Къ великой синагогѣ принадлежали, во времена Ездры, Исусъ, Зоровавель (Ездр. 2, 2), Захарія, Аггей и даже Данииль вмѣстѣ съ тремя извѣстными его сверстниками, а послѣ Ездры—Малахія, Мардохей и др. При всей многочисленности указаній

названнымъ въ талмудѣ „соферимъ“ (книжники) нельзя также не приписать дѣятельнаго участія въ дѣлѣ критическаго опредѣленія вз. текста. Ихъ задачею могло быть устраненіе не-правильностей и разностей, имѣвшихъ быть можетъ, мѣсто въ текстѣ палестинскихъ библейскихъ рукописей. Но во всякомъ случаѣ этимъ соферимъ никакъ нельзя усвоить заслуги окончательнаго установленія текста во всѣхъ подробностяхъ, какъ это усвоится имъ въ талмудѣ. Полное опредѣленіе невокализованнаго текста, состоящаго изъ однихъ согласныхъ литеръ, — дѣло далеко не легкое и не малосложное. Оно требуетъ пред-

талмуда на великую синагогу, онъ не даетъ о ней яснаго и опредѣленнаго понятія. Судя по главному свидѣтельству талмуда объ этой синагогѣ Р. Ав. 1, 1. нужно думать, что входившіе въ ея составъ мужи жили не одновременно, но составляли собою непрерывный рядъ лицъ, одно за другимъ слѣдовавшихъ, начиная съ Моисея и Иисуса Н. и кончая послѣднимъ членомъ этого ряда — Симономъ праведнымъ, сыномъ и преемникомъ первосвященника Оніи (ок. 300 г. до Р. Х.) Потому-то въ другомъ мѣстѣ талмуда замѣчено, что во время существованія великой синагоги Израиль постепенно богатѣлъ, а потомъ постепенно становился бѣднымъ. Въ талмудѣ мужамъ великой синагоги усвоются постановленія относительно молитвъ, жертвоприношеній, даровъ въ храмъ, праздникова и пр., а также объясненіе закона, труды по составленію вз. канона, заботы о сохраненіи въ неизмѣнномъ видѣ вз. текста и под. Членовъ великой синагоги было, по талмуду, 120. Вслѣдствіе неясности, неопредѣленности и противорѣчія между собою свѣдѣній, которыя талмудъ сообщаетъ о великой синагогѣ, и новѣйшіе ученые придерживаются на нее различныхъ воззрѣній. Такъ напр. между прочимъ де-Ветте полагаетъ, что великая синагога не иное что, какъ вымыселъ раввиновъ, которымъ хотѣлось придать авторитетъ своимъ многочисленнымъ постановленіямъ и убѣдить народъ, что эти постановленія придуманы не ими самими, а почерпнуты изъ несомнѣнно истиннаго, восходящаго ко временамъ Моисея, преданія. Другіе, какъ напр. Браунъ, Герцфельдъ утверждаютъ, что великая синагога существовала, но была верховнымъ іудейскимъ судилищемъ, тѣмъ же тѣмъ впоследствии былъ великій синадріонъ,

варительныхъ, и притомъ серьезныхъ экзегетическихъ и грамматическихъ работъ и можетъ идти успѣшно лишь съ установленіемъ правильнаго чтенія и пониманія текста; такимъ образомъ оно скорѣе должно быть признано дѣломъ и цѣлаго послѣдовательнаго ряда ученыхъ. И свидѣтельство объ этомъ даютъ намъ древнѣйшія критическія пособія относительно свящ. еврейскаго текста, именно самарянско-еврейское пятокнижіе и переводъ I.XX. Изъ этихъ документовъ видно, что во время ихъ возникновенія свящ. еврейскій текстъ въ рукописяхъ былъ опредѣленъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ не такъ, какъ это

такъ часто упоминаемый въ Евангеліи. Впрочемъ ученые, специально занимавшіеся изученіемъ позднѣйшей послѣ-плѣнной исторіи іудеевъ, каковы между прочимъ Эвальдъ и Юстъ, видятъ историческую основу въ талмудическихъ и раввинскихъ сказаніяхъ о великой синагогѣ и признаютъ несомнѣннымъ, что дѣйствительно въ промежутокъ времени, начиная съ превращенія пророчества и кончая греческимъ періодомъ (временами Александра Македонскаго) во главѣ палестинскаго общества іудеевъ, и преимущественно во главѣ его религиозной жизни, стояли мужи, которые были хранителями древняго теократическаго преданія. Этими мужамъ обязаны были своимъ возникновеніемъ учрежденія, имѣвшія цѣлю не только хранить законъ въ неизмѣнномъ видѣ и знакомить съ нимъ народъ, но и проводить начала закона во всѣ отрасли народной жизни. Общество этихъ мужей, преимущественно дѣйствовавшихъ въ продолженіе означеннаго времени, было въпослѣдствіи названо великою синагогою по причинѣ авторитета, которымъ оно пользовалось какъ въ богослужебныхъ собраніяхъ народа, приходившаго въ Іерусалимъ, такъ и въ синагогахъ, существовавшихъ въ странѣ. Общество это не было однакоже обществомъ, однажды навсегда организованнымъ на извѣстныхъ опредѣленныхъ началахъ. Скорѣе это былъ свободный союзъ замѣчательныхъ по своимъ дарованіямъ людей, которые обладали основательнымъ знаніемъ закона, посвящали свое вниманіе и труды охраненію и поддержанію религиозной жизни народа и его богослуженія и были сходны между собою по образу, мыслей и характеру дѣятельности. Троякаго рода дѣятельность прославила этихъ мужей; именно они были истолкователями

находимъ мы въ рукописяхъ, и печатныхъ изданіяхъ мазоретскаго текста. Правда, считается вполне доказаннымъ, что уклоненія самаританскаго пятокнижія и перевода I, XX отъ настоящаго мазоретскаго текста обусловились въ большинствѣ случаевъ произвольными, невритическими отступленіями отъ оригинала; но въ то же время въ нихъ не мало находится и такихъ уклоненій, которыя могутъ быть удовлетворительно объяснены лишь дѣйствительными вариантами въ оригинальномъ текстѣ. А это естественно приводитъ къ заключенію, что тогда различныя чтенія въ еврейскихъ рукописяхъ библіи были довольно обыкновеннымъ явленіемъ, и устранены лишь въ позднѣйшее время палестинскими учеными путемъ болѣе точной и тщательной обработки текста. Такимъ образомъ мы въ правѣ предположить, что критическая обработка текста съ цѣлю окончательнаго его опредѣленія совершалась не малое время и если въ главныхъ чертахъ она и была выполнена соферимами, то опредѣленіемъ частныхъ текста занимались много спустя послѣ нихъ. Во всякомъ впрочемъ случаѣ ко временамъ христіанства еврейскій вз. текстъ былъ установленъ. Это достаточно подтверждается таргумами ¹¹⁾ Онкелоса и Ионафана и наи-

и проповѣдниками закона въ обширномъ кругу народныхъ богослужебныхъ собраній и въ этомъ отношеніи дѣятельность ихъ послужила образцемъ для позднѣйшаго богослуженія въ синагогахъ; затѣмъ они были учителями закона въ болѣе тѣсномъ школьномъ кругу, причемъ трудились между прочимъ надъ обработкой свящ. вз. текста; наконецъ знаменитѣйшіе изъ нихъ входили въ составъ судилища въ Иерусалимѣ и так. обр. были судіями. Нужно однакоже замѣтить, что всѣ эти роды дѣятельности были тѣсно связаны между собою, не исключая и послѣдняго: ибо и судъ надъ іудеями совершался на основаніи Моисеева закона (Leyrer, die grosse Synagoge См. Real-Encykl., Bd. 15. S. 296—299.)

¹¹⁾ Thargum, Thargumim (отъ thargem переводить истолковывать) означаетъ и переводъ текста и вмѣстѣ его объясненіе. Именемъ таргумовъ называютъ обыкновенно халдейскіе переводы вз. свящ. книгъ; имѣющіе ту особенность, что въ нихъ на ряду съ дослов-

болѣе точными греческими переводами, возникшими во 2-мъ вѣкѣ христіанской эры, каковы переводы Θεοδοтіона, и особенно Акилы. Какъ въ таргумахъ, такъ и въ названныхъ греческихъ переводахъ мы почти не встрѣчаемъ разностей съ теперешнимъ мазоретскимъ текстомъ. Что же касается талмуда, то въ немъ основной, состоящей изъ согласныхъ литеръ, текстъ вз. бібліи является вполнѣ устоявшимся и неизмѣннымъ; его установленіе признается тамъ дѣломъ отдаленной древности, и даже возводится ко временамъ Моисея.—Дѣло критической обработки и установленія вз. текста было несомнѣнно совершаемо со всевозможною добросовѣстностію. За это достаточно ручается необыкновенное, доходившее почти до суевѣрія, уваженіе іудеевъ къ священнымъ книгамъ и ихъ буквѣ. И дѣйствительно въ вз. текстѣ, обработанномъ и установленномъ іудейскими учеными, соблюдены всѣ особенности отдѣльныхъ пи-

ной передачей подлиннаго текста встрѣчаются перифразировки извѣстныхъ мѣстъ, по преимуществу темныхъ и трудныхъ для уразумѣнія, а отчасти и изъясненія содержанія текста. Поводомъ къ возникновенію таргумовъ послужилъ со времени еще Ездры начавшійся обычай—читать народу священныя книги съ присовокупленіемъ халдѣйскаго перевода и толкованія (первый намекъ на этотъ обычай мы встрѣчаемъ Неем. 8, 8). Обычай этотъ былъ, какъ кажется, вызванъ необходимостію, поелику по возвращеніи изъ плѣна, народъ, въ своей непросвѣщенной и слѣд. наибольшей части, вѣроятно говорилъ по-арамейски и не могъ надлежащимъ образомъ понимать своего прежняго еврейскаго языка, на которомъ были написаны священныя книги (см. Zung, die gottesdienste. Vortr. d. Iuden, S. 8). Сначала писанныхъ таргумовъ не существовало: переводъ свящ. текста и его толкованіе было свободнымъ дѣломъ предназначавшихся къ тому лицъ. Но такая свобода могла приводить и конечно приводила къ злоупотребленіямъ. Эта свобода и связанная съ нею злоупотребленія естественно должны были пробудить потребность въ таргумахъ писанныхъ, составленныхъ по извѣстнымъ правиламъ, которыя съ теченіемъ времени постепенно выработывались и становились болѣе и болѣе опредѣленными. Къ

сателей, отдѣльныхъ книгъ и различныхъ временъ, архаизмы, идиотизмы, мѣстные діалектическіе оттѣнки, такъ что нельзя не видѣть, какъ далеки были іудейскіе критики отъ намѣренныхъ и произвольныхъ измѣненій текста, отъ стремленій придать ему однообразный характеръ.—При установленіи текста іудейскіе ученые, вѣроятно, руководствовались сличеніемъ рукописей. По крайней мѣрѣ указаніе на сличеніе рукописей (единственное, впрочемъ, и не вполне удовлетворительное) мы находимъ въ трактатѣ Тааніth іерусалимскаго талмуда. Изъ упоминаемаго въ названномъ трактатѣ факта видно, что, въ случаѣ разныхъ чтеній извѣстнаго мѣста, лицами, занимавшимися сличеніемъ, было обращено вниманіе на то, во сколькохъ, находившихся у нихъ подъ руками, рукописяхъ это мѣсто читалось одинаково; при чемъ правильнымъ признавалось чтеніе, находившееся въ большемъ числѣ рукописей, чтеніе же, нахо-

составленію писанныхъ таргумовъ на арамейскомъ нарѣчій для общества, говорившаго по-арамейски, могло побудить и то обстоятельство, что іудеи—эллинисты имѣли уже свящ. книги на доступномъ имъ греческомъ языкѣ.—Изъ древнѣйшихъ писанныхъ таргумовъ, дошедшихъ до нашего времени, наиболѣе извѣстны таргумы Онкелоса и Ионаана.—Свѣдѣнія о лицѣ Онкелоса и времени, въ которое онъ жилъ, заключающіяся въ талмудѣ, разномыслятъ между собою. Вѣроятнѣйшими изъ нихъ признаются тѣ (Volk, Thargumim. см. Real-Encykl. Bd. 15 S. 673), по которымъ Онкелосъ былъ ученикомъ и другомъ Гамалиила старшаго, бывшаго учителемъ ап. Павла (Дѣян. 22, 3, ср. 5, 34 и дал.), и умершаго не задолго до разрушенія Іерусалима. Онкелосу принадлежитъ таргумъ на пятакнижіе. Переводъ въ этомъ таргумѣ очень точенъ и не представляетъ такихъ уклоненій отъ подлинника, которыя можно бы было назвать значительными; перифразировка строго соответствуетъ смыслу текста и не страдаетъ сторонними прибавленіями. Такія прибавленія встрѣчаются лишь въ поэтическихъ частяхъ пятакнижія, но и то нѣкоторыя изъ нихъ могутъ быть признаны позднѣйшими вставками (Keil, Einleit., S. 559, прим. 5). Въ своихъ перифразахъ Онкелосъ, правда, находится иногда подъ вліяніемъ

дившееся въ меньшемъ, отвергалось какъ неправильное¹³⁾. Но если іудейскіе ученые, при опредѣленіи и установленіи въ текста, и обращались къ сличенію рукописей, то о количествѣ и качествѣ этихъ послѣднихъ мы ничего не знаемъ. Можно однако думать, что если въ находившихся въ ихъ распо-

догматическихъ идей своего времени, выразившихся между прочимъ въ его мессіанскихъ идеяхъ и въ устраненіи имъ антропоморфизмовъ; но въ подобныхъ случаяхъ Онкелосъ является очень сдержаннымъ, его догматическія представленія просты, не носятъ окраски позднѣйшихъ іудейскихъ воззрѣній. Таргумъ Онкелоса напечатанъ между прочимъ въ антверпенской, парижской и лондонской полиглоттахъ.—По преданію раввиновъ, сохраненному въ талмудѣ, Ионаанъ, сынъ Узіловъ, былъ одинъ изъ 80 учениковъ Гиллела. Если вѣрить этому преданію, то Ионаанъ жилъ ранѣе Онкелоса. Съ именемъ Ионаана извѣстенъ таргумъ на книги историческія (I. Навина, Судей, Царствъ) и пророческія. Переводъ въ таргумѣ Ионаана отличается большею перифразировкою подлиннаго текста и меньшею простотою, нежели въ таргумѣ Онкелоса. Уже по отношенію къ книгамъ историческаго содержанія Ионаанъ является не рѣдко истолкователемъ; что же касается книгъ собственно пророческихъ, то почти на всѣ эти книги онъ даетъ истолкованіе. На основаніи нѣкоторыхъ религіозныхъ представленій, а также раввинскихъ сказаній и легендъ, встрѣчающихся въ таргумѣ Ионаана, нѣкоторые изъ ученыхъ (Моринусъ, Эйххорнъ, Янгъ, Фолькъ) считаютъ этотъ таргумъ по времени происхожденія позднѣйшимъ, нежели таргумъ Онкелосовъ. Кейль однакоже признаетъ этотъ выводъ несостоятельнымъ, находя возможнымъ отнести къ числу вставокъ нѣкоторыя изъ мѣстъ, указывающихъ на позднѣйшія времена (Keil, Einleit. S. 560 и 561; прим. 6). Ионаановъ таргумъ, какъ и Онкелосовъ, напечатанъ въ полиглоттахъ антверпенской, парижской и лондонской.

¹³⁾ Taanith fol. 68. 1: Tres libros invenerunt in atrio, librum שׁוּב, librum שׁוּבָה, librum שׁוּבָה in uno invenerunt scriptum שׁוּבָה (Devt. 33, 27), in duobus שׁוּבָה et approbantes duos, rejecerunt unum. In uno invenerunt scriptum... etc. См. Keil, Einleit., S. 595. (Zweit. Aufl.).

ряженіи древнихъ рукописяхъ существовали ошибки, что онѣ легко могли быть приняты и увѣковѣчены. Это, какъ кажется, и было дѣйствительно; почему новѣйшая критика и признаетъ за подлиннымъ еврейскимъ текстомъ лишь относительное, но никакъ не абсолютное совершенство и считаетъ необходимымъ при изученіи вз. писаній обращаться и къ другимъ критическимъ пособіямъ, какъ напр. къ древнѣйшимъ переводамъ. Кроме сличенія рукописей, древніе іудейскіе ученые при установленіи текста пользовались, вѣроятно и критическимъ аппаратомъ, или сводомъ различныхъ критическихъ замѣчаній относительно свящ. текста. Начало этому критическому аппарату было положено—какъ можно думать—еще древними соферимъ, или мужаами великой синагоги. Къ сожалѣнію о немъ мы знаемъ весьма немногое. Правда, въ мазорѣ сохранены нѣкоторые его остатки, но они такъ перемѣшаны съ позднѣйшимъ критическимъ матеріаломъ, что ихъ невозможно выдѣлить. Кроме мазоры, указанія на нѣкоторыя древнія критическія примѣчанія къ тексту мы находимъ въ талмудѣ. И благодаря этимъ лишь указаніямъ, мы имѣемъ возможность узнать нѣчто о томъ критическомъ пособіи, которымъ іудейскіе ученые могли руководствоваться при установленіи вз. текста. Въ талмудѣ указаны три составныя части древняго критико-экзегетическаго аппарата, какъ хорошо уже извѣстныя талмудистамъ и относимыя ими къ глубокой древности. Именно, въ немъ говорится во 1-хъ о словахъ, которыя слѣдуетъ читать, но которыя не записаны въ текстѣ, (קרי ולא כתיב) во 2-хъ о словахъ, которыя не слѣдуетъ читать, хотя въ текстѣ они и значатся, (קרי כתיב ולא קרי) въ 3-хъ о словахъ, находящихся въ текстѣ, которыя слѣдуетъ читать иначе, нежели какъ они въ текстѣ начертаны: (קרי וכתיב). Всѣ эти составныя части древняго критическаго аппарата имѣютъ въ большинствѣ случаевъ лишь экзегетическое значеніе, ихъ цѣль—облегчить пониманіе писаній; но нѣкоторыя мѣста въ нихъ содержатъ, какъ кажется, и дѣйствительные варианты и основываются не на однихъ догадкахъ, а на сличеніи рукописей, что отчасти под-

тверждается древними переводами. Быть можетъ, изъ древняго критическаго аппарата сохранилось бы до нашего времени гораздо болѣе, если бы онъ, по мѣрѣ возникновенія, былъ записываемъ. Но въ періодъ, о которомъ у насъ рѣчь, этотъ аппаратъ, какъ и все вообще относящееся къ тексту, сохранилось, по большей части, путемъ устнаго преданія.

Рука объ руку съ опредѣленіемъ вз. текста въ его основныхъ согласныхъ литерахъ шло и опредѣленіе способа его чтенія, или образованіе вокализации. Было уже упомянуто о томъ, что древній доканоническій текстъ в. завѣта не имѣлъ знаковъ для обозначенія гласныхъ звуковъ. Не озаботились присоединеніемъ къ тексту какъ этихъ знаковъ, такъ и другихъ, служащихъ теперь къ объясненію чтеній, и мужи великой синагоги. Даже въ разсматриваемый нами періодъ до самаго завершения талмуда текстъ свящ. евр. книгъ остался не пунктированнымъ. Доказательствъ тому не мало. Такъ всѣ древніе переводы и особенно греческіе расходятся въ чтеніи библейскихъ словъ и произшесній гласныхъ звуковъ съ настоящимъ мазоретскимъ текстомъ, и расходятся настолько значительно, что представляется невысказаннымъ, чтобъ переводчики имѣли подъ руками пунктированный подлинный текстъ. Попытка же доказать, что переводчики намѣренно и произвольно уклонялись отъ подлинника, устраняется тѣмъ, что значительныя уклоненія встрѣчаются не у одного или двухъ, а у всѣхъ переводчиковъ. Точно также и еврейскій текстъ, помѣщенный Оригеномъ въ его гекзаплахъ, представляетъ не малыя разности съ текстомъ мазоретскимъ относительно чтенія.—Далѣе—Иеронимъ, который въ своихъ трудахъ по св. писанію в. завѣта не мало помѣстилъ критико-филологическихъ и орографическихъ замѣтокъ, ничего не зналъ о вокализации. Наконецъ, что касается талмуда, то въ немъ талмудисты повсюду предполагаютъ текстъ непунктированный и не упоминаютъ ни объ одномъ знакѣ, который бы употреблялся для облегченія чтенія. Талмудисты даже возвели въ законъ древній обычай начертанія текста. Потому-то и теперь священныя рукописи ев-

реевъ, употребляющіяся въ синагогахъ, не имѣють пунктаціи. Такимъ образомъ несомнѣнно, что настоящая система пунктаціи вз. текста по своему возникновенію позднѣе времени завершенія талмуда. Но изъ сказаннаго не слѣдуетъ, чтобы въ періодъ, нами разсматриваемый, чтеніе согласныхъ литеръ вз. текста было предоставляемо свободѣ каждаго и не было еще установлено. Напротивъ, въ это время вмѣстѣ съ опредѣленіемъ текста писаннаго образовывался **постепенно** и опредѣленный способъ его чтенія и пониманія. Такъ переводъ LXX, хотя и значительно уклоняется по мѣстамъ отъ мазоретскаго текста относительно чтенія, но въ то же время по большей части сходится съ нимъ и притомъ въ наиболѣе затруднительныхъ и неопредѣленныхъ по смыслу мѣстахъ, изъ чего слѣдуетъ, что во время возникновенія этого перевода, существовало уже преданіе относительно чтенія и пониманія текста, хотя оно, быть можетъ, и не опредѣлило еще всѣхъ частныхъ. Что касается таргумовъ, возникшихъ въ средѣ палестинскихъ ученыхъ, то они уже очень рѣдко уклоняются отъ нынѣшняго мазоретскаго текста въ чтеніи и пониманіи свящ. книгъ и так. обр. доказываютъ, что къ началу христіанства экзегетическое преданіе было уже довольно твердо. Позднѣе Иеронимъ постоянно ссылаясь при чтеніи евр. подлинника на это преданіе, выставялъ его какъ авторитетъ въ противоположность греческимъ переводамъ и вообще очень мало отступалъ отъ чтенія мазоретскаго. И въ талмудѣ, несмотря на то, что въ немъ нѣтъ упоминанія о какихъ либо знакахъ, облегчающихъ чтеніе текста, правильный образъ его чтенія предполагается уже совершенно извѣстнымъ и окончательно опредѣленнымъ. Так. обр. задолго до конца разсматриваемаго періода опредѣленное чтеніе не пунктированного текста вполне установилось. Но нужно замѣтить, что знаки, опредѣляющіе теперь это чтеніе не были тогда изобрѣтены, не были преданы письмени, хотя быть можетъ іудейскіе ученые въ своихъ домашнихъ рукописяхъ и употребляли какую либо пунктацію для облегченія памяти.

(Продолженіе будетъ).

Н. Е.

Краткій очеркъ исторіи подлиннаго ветхозавѣтнаго текста.

(Продолженіе *).

Въ разсматриваемый нами домазоретскій періодъ исторіи вѣ. текста совершилось раздѣленіе текста на слова, стихи и большіе отдѣлы, на подобіе главъ. Что касается раздѣленія свящ. текста на слова и окончательнаго установленія этого раздѣленія, то оно совершилось въ очень раннее время. Въ доказательство этого можно указать между прочимъ на самарянское пятокнижіе, въ которомъ каждое слово отдѣлено отъ слѣдующаго за нимъ точкою. Таргумы почти вездѣ согласны съ те-перешнимъ мазоретскимъ словораздѣленіемъ. Квадратный шрифтъ съ его конечными литерами ¹⁾, вполне сходявшійся въ началѣ христіанской эры, даетъ видѣть, что словораздѣленіе въ текстѣ опредѣлилось „внѣшнимъ образомъ“. Въ талмудѣ словораздѣленіе представляется вполне установившимся. Талмудъ даетъ правило о томъ, каково должно быть пустое пространство между отдѣльными словами; вслѣдствіе этого въ рукописяхъ свящ. книгъ, употребляющихся въ синагогахъ, хотя нѣтъ вокалиціаціи, но слова отдѣляются одно отъ другаго извѣстными пространствами. То наконецъ обстоя-

*) См. „Чтенія“ авг. 1873.

1) Нѣкоторыя литеры въ еврейскомъ квадратномъ шрифтѣ имѣютъ въ концѣ словъ отличное отъ обыкновеннаго, протяженное начертаніе.

тельство, что нѣкоторыя замѣчанія мазоретовъ имѣють цѣлю улучшить словораздѣленіе, основанное на преданіи, свидѣтельствуеть о древности раздѣленія словъ въ священномъ вз. текстѣ.

Относительно раздѣленія свящ. текста по смыслу, на большія или меньшія отдѣленія, на подобіе нашихъ стиховъ и главъ, можно сказать слѣдующее.

Въ поэтическихъ частяхъ свящ. текста тѣсно связанные между собою параллельные члены, выражавшіе извѣстную мысль, а иногда и каждый изъ этихъ членовъ стихотворной рѣчи, издревле были раздѣляемы въ рукописяхъ—или пустыми, оставляемыми въ строкѣ, пространствами, или тѣмъ, что писались съ новой строки. Вѣроятно, что такое дѣленіе было производимо самими свящ. писателями, по крайней мѣрѣ въ алфавитныхъ ивѣняхъ; и во всякомъ случаѣ такой способъ начертанія свящ. вз. текста сдѣлался общеупотребительнымъ съ самаго ранняго времени, съ начала разсматриваемаго нами періода. О подраздѣленіяхъ или стихахъ въ поэтич. вз. текстѣ упоминають Филонъ и Флавій; о нихъ говоритъ бл. Иеронимъ. Вообще отцы церкви смотрѣли на обычай раздѣлять поэтическій вз. текстъ на стихи, какъ на древнѣйшій, изначальный. Талмудъ говоритъ о малыхъ отдѣлахъ или стихахъ въ кн. и псалмахъ, называя ихъ פסוקים (pesukim) т. е. отдѣленіями, или собственно, частями предложенія (pesukim соотвѣтств. греч. и лат. *Commata*, caesae), и даже даетъ предписаніе относительно начертанія стихами нѣкоторыхъ поэтическихъ отрывковъ въ прозаическихъ книгахъ, каковы Исх. 15; Второз. 32; Суд. 5; 2 Ц. 22, вслѣдствіе этого и доселѣ въ названныхъ отрывкахъ стихи отдѣляются одинъ отъ другаго пустыми пространствами, при томъ не только въ рукописяхъ, но и въ печатныхъ изданіяхъ. Наконецъ раздѣленіе всего поэтическаго текста вз. книгъ на стихи мы встрѣчаемъ въ древнѣйшихъ, сохранившихся до нашего времени, рукописяхъ—какъ въ еврейскихъ, такъ и въ греческихъ LXX и латинскихъ. Такое дѣленіе поэтическихъ частей вз. писаній

вышло мало по малу изъ употребленія въ слѣдующій мазоретскій періодъ вслѣдствіе введенія акцентовъ.

Прозаическій вз. текстъ былъ раздѣленъ на стихи позднѣе, нежели поэтической; по крайней мѣрѣ о такомъ его раздѣленіи въ раннее время ничего опредѣленнаго неизвѣстно. Правда въ самарянскомъ пятокнижии оно существуетъ; но стихи здѣсь не тѣ, какіе мы видимъ теперь въ мазоретскомъ текстѣ. Въ талмудѣ, впрочемъ, говорится уже о стихахъ какъ прозаическаго, такъ и поэтическаго текста, — говорится при томъ, какъ о фактѣ, извѣстномъ издавна—со временъ Ездры, и даже со временъ Моисея. Въ талмудѣ нерѣдко дѣлается довольно ясное указаніе на сумму стиховъ, содержащихся или въ цѣлыхъ книгахъ, или въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ вз. текста и эта сумма или близко подходитъ къ позднѣйшему мазоретскому исчисленію, или же вполне съ нимъ совпадаетъ. Такъ талмудъ насчитываетъ въ пятокнижии 5888 *pesukim*, или стиховъ; въ текстѣ мазоретскомъ ихъ—5845; затѣмъ о Второз. 34, 5—12 упоминается въ талмудѣ, какъ о 8 послѣднихъ стихахъ закона, о Иса. 52, 3—5 какъ о 3-хъ стихахъ. Нужно впрочемъ замѣтить, что между талмудическимъ исчисленіемъ стиховъ и теперешнимъ мазоретскимъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ существуетъ значительное различіе. Талмудъ, напр., въ книгахъ Паралипоменонъ насчитываетъ 888 стиховъ, въ теперешнемъ мазоретскомъ текстѣ ихъ 1656. Изъ этого слѣдуетъ, что дѣленіе текста вз. книгъ на стихи хотя и совершилось въ рассматриваемый нами періодъ, но окончательно было установлено уже послѣ ²⁾).

²⁾ На вопросъ: отдѣлялись ли стихи вз. текста одинъ отъ другаго какимъ-либо знакомъ, или нѣтъ въ домазоретскій періодъ?—отвѣчаютъ различно. Кейль Гупфельдъ, Дильманъ полагаютъ, что въ то время не существовало никакого знака для отдѣленія стиховъ, что какъ объемъ такъ и количество стиховъ были извѣстны по преданію и составляли предметъ школьнаго изученія. Въ подтвержденіе этого мнѣнія Дильманъ ссылается на то, что талмудъ не упоминаетъ о раздѣленіи стиховъ посредствомъ какого либо знака и не даетъ относительно этого никакого правила, вслѣдствіе чего въ рукописяхъ, даже поздняго времени, предназна-

отд. I. „Чтенія“ за сентябрь 1874 г.

Кромѣ стиховъ, обнимавшихъ собою предложеніе, или періодъ, вз. текстъ въ домасоретскія времена былъ раздѣленъ еще на другіе большіе по объему отдѣлы, такъ наз. парашы (פְּרָשִׁיּוֹת, פְּרָשָׁה) отъ פָּרַשׁ раздѣлять, отдѣлять; отсюда параша знач. раздѣленіе, отдѣленіе). Объ этомъ дѣленіи упоминаетъ уже Мишна, затѣмъ часто Гемара; послѣдняя начало такого дѣленія возводитъ къ Моусею и предписываетъ неизмѣнно соблюдать его (дѣленіе) при составленіи списковъ закона, вслѣдствіе чего парашы и имѣютъ мѣсто въ свящ. рукописяхъ, употребляемыхъ въ синагогахъ. — Парашы, на которыя былъ раздѣленъ вз. текстъ, двоякаго рода: однѣ изъ нихъ заключаютъ въ себѣ довольно обширные отдѣлы текста съ разнообразнымъ содержаніемъ, другія входятъ въ составъ первыхъ и, конечно, вмѣщаютъ въ себѣ отдѣлы текста меньшіе, съ содержаніемъ, относящимся къ одному предмету. Парашы большаго объема отдѣлялись одна отъ другой въ рукописяхъ тѣмъ, что писались съ новой строки, парашы меньшаго объема — тѣмъ, что между ними въ строкѣ было оставляемо извѣстное пустое пространство; вслѣдствіе этого первыя были названы открытыми (פְּתוּחוֹת), и послѣднія заключенными (סְּוִימוֹת), или связанными. На парашы были раздѣлены какъ законъ, такъ и остальные двѣ части вз. капона, т. е. про-

ченныхъ для употребленія въ синагогахъ, стихи ничѣмъ не обозначены. Къ этимъ доказательствамъ Кейль присоединяетъ, между прочимъ, то, что древніе переводчики колебались при раздѣленіи вз. текста на стихи, чего конечно не было бы, если бы въ оригиналѣ стихи были обозначены какимъ либо внѣшнимъ знакомъ. Напротивъ Блекъ, имѣя въ виду точное обозначеніе въ талмудѣ количества стиховъ въ цѣлыхъ вз. книгахъ, считаетъ совершенно невѣроятнымъ, чтобы свѣдѣнія о стихахъ вз. текста хранились лишь въ преданіи. Онъ предполагаетъ, что, быть можетъ, уже во времена Мишны стихи вз. текста въ рукописяхъ отдѣлялись одиной отъ другаго посредствомъ двухъ пунктовъ (двоеточія). Изъ мнѣній, приведенныхъ нами, на сторонѣ перваго, какъ кажется, болѣе вѣроятія; тѣмъ не менѣе можно замѣтить, что если не въ началѣ, то въ концѣ разсматриваемаго нами періода, прежде нежели къ тексту были присоединены акценты и пункты масоретовъ, двоеточіе было введено въ свящ. рукописи для раздѣленія стиховъ; это видно изъ того, что оно встрѣчается въ рукописяхъ, начертанныхъ одиными согласными литерами безъ пунктовъ.

роки и агіографы. Раздѣленіе на параши вз. текста сохранилось и въ позднѣйшихъ рукописяхъ и печатныхъ изданіяхъ. Въ послѣднихъ параши въ законѣ отдѣляются одна отъ другой пустымъ въ строкѣ пространствомъ и вставленными въ немъ литерами **ב** или **א** (т. е. открытая парама, или заключенная), въ пророкахъ и агіографахъ — однимъ густымъ пространствомъ ³⁾.

И такъ въ домазоретскій періодъ вз. текстъ былъ установленъ въ своихъ основныхъ согласныхъ литерахъ, при чемъ было опредѣлено чтеніе этихъ его литеръ въ связи съ гласными звуками; затѣмъ текстъ былъ раздѣленъ на слова, стихи, отдѣлы. Всѣ эти работы относительно вз. текста имѣли цѣлю съ одной стороны—предохранить отъ поврежденій Богооткровенное содержаніе вз. писаній, съ другой—облегчить пользованіе ими, чему долженъ былъ способствовать отчетливый и красивый квадратный шрифтъ, который былъ введенъ въ употребленіе также въ періодъ, нами разсматриваемый. — Но всесторонне обработанный, твердо установленный вз. текстъ

³⁾ Отъ отдѣловъ вз. текста, называемыхъ парашами, совершенно отличны гафтари (פַּתְרֵי). Гафтари—это отдѣленія изъ второй части евр. вз. канона (пророковъ), напоминающія наши церковныя зачала; они читались (и читаются, въ синагогахъ по субботнимъ днямъ на ряду съ субботними парашами изъ закона. Гафтари, для большаго удобства, записывались въ отдѣльные свитки. Что во времена Христа и апостоловъ въ синагогахъ, вмѣстѣ съ закономъ, читались, въ субботніе дни и писанія пророческія,—это видно изъ Лук. 4, 17 и дал.; Дѣян. 13, 15 и дал.; но изъ перваго мѣста съ вѣроятностію можно заключить, что тогда не были еще назначены для той или другой субботы опредѣленные гафтари, какъ не были назначены опредѣленные параши изъ закона, что случилось гораздо позднѣе, именно въ періодъ мазоретскій, когда законъ, для чтенія по субботамъ, былъ раздѣленъ на 54 субботнія параши.—Слово гафтара знач. отпущеніе. Такое названіе объясняютъ тѣмъ, что гофтарю завачивалось въ синагогахъ субботнее чтеніе писаній, послѣ чего народъ былъ отпускаемъ.

Точно также нѣтъ ничего общаго между парашами и тѣми главами, на которыя вз. текстъ раздѣляется въ печатныхъ изданіяхъ въ настоящее время. Дѣленіе на главы—дѣло позднѣйшихъ временъ и принадлежитъ христіанамъ. Первоначально дѣленіе на главы появилось въ вульгатѣ (въ 13 в.) и уже отсюда внесено іудеями въ подлинный вз. текстъ. Этотъ послѣдній съ раздѣленіемъ на главы впервые напечатанъ въ Бомбергскомъ изданіи раввинской бібліи 1526 г.

могъ легко съ теченіемъ времени повредиться, а вмѣстѣ съ тѣмъ исказиться и заключенное въ немъ содержаніе, между прочимъ отъ неопытности и небрежности переписчиковъ, подобно тому, какъ повредились и исказились почти всѣ памятники древней письменности, дошедшіе до нашего времени. Поэтому—для передачи изъ рода въ родъ вз. текста въ неизмѣнномъ, однажды данномъ ему, видѣ необходимы были всевозможныя мѣры для устраненія намѣренныхъ и ненамѣренныхъ его поврежденій, необходимы были постоянныя неослабныя заботы о его охраненіи. И въ подобнаго рода заботахъ мы не видимъ недостатка въ періодъ домазоретскій. Многочисленныя свидѣтельства о нихъ мы находимъ какъ въ талмудѣ, такъ и въ самомъ текстѣ.

Въ талмудѣ мы прежде всего встрѣчаемъ множество предписаній относительно свящ. каллиграфіи. Такъ напр. талмудъ предписываетъ, чтобы протяженное начертаніе нѣкоторыхъ буквъ, стоящихъ въ концѣ словъ, ни въ какомъ случаѣ не было замѣняемо начертаніемъ обыкновеннымъ, чтобы буквы, сходныя между собою по произношенію, или начертанію, не были при перепискѣ начертываемы, по невнимательности, одна вмѣсто другой, чтобы пустыя пространства въ строкѣ, раздѣляющія заключенныя параши, были всегда одного и того же размѣра, и под. Мало того—талмудъ въ своихъ предписаніяхъ опредѣляетъ даже то, изъ чего и какимъ образомъ должны быть приготовляемы свитки для свящ. рукописей, особенно для тѣхъ, которыя назначаются для употребленія въ синагогахъ, изъ какихъ веществъ должны состоять чернила, потребныя для начертанія письменъ вз. текста и т. д. Соблюденіе всѣхъ этихъ и подобныхъ имъ правилъ было непремѣнною обязанностію лицъ, занимавшихся приготовленіемъ списковъ свящ. книгъ, и они—эти правила—были, конечно, соблюдаемы, тѣмъ болѣе—что свящ. рукописи, особенно же назначавшіяся для употребленія въ синагогахъ, были, по приготовленіи, тщательно разсматриваемы и употребленіе ихъ дозволялось въ томъ лишь случаѣ, если онѣ не

заклучали въ себѣ погрѣшностей и отступленій отъ правилъ, или если и заклучали, то немногія и легко исправимыя.— Каллиграфическія правила талмуда представляются мелочными до крайности; но тѣмъ яснѣе говорятъ они о той великой заботливости, съ какою, въ періодъ домазоретскій, вз. текстъ былъ охраняемъ отъ поврежденій и измѣненій во всѣхъ его самыхъ незначительныхъ внѣшнихъ подробностяхъ. О той же заботливости охранить въ текстѣ каждую іоту говорить также то обстоятельство, что въ талмудѣ исчисляются не только стихи, но и слова и даже буквы свящ. книгъ, опредѣляется, какой стихъ, какая литера занимаютъ среднее мѣсто въ той или другой книгѣ. Такъ въ одномъ изъ трактатовъ талмуда (tr. Kidduschin) замѣчается, что буква **ק** въ словѣ **קָטַץ** (Левит. 11, 42) есть средняя буква въ пятюнужіи, буква **ו** въ словѣ **וַעֲמַ** (Пс. 79, 14) есть средняя буква въ псалтири.

Что касается самаго вз. текста, то въ немъ находятся не малочисленные свидѣтельства о томъ, что заботы о его охраненіи отъ какихъ бы то ни было измѣненій не оставались лишь заботами не достигавшими цѣли, но осуществлялись на дѣлѣ.

Въ вз. текстѣ мы встрѣчаемъ не мало литеръ, начертанныхъ особеннымъ образомъ. Такъ однѣ изъ этихъ литеръ нѣсколько возвышаются надъ строкою (это такъ наз. *litterae suspensae*—лит. подвѣшенныя), другія имѣютъ размѣры нѣсколько большіе обыкновеннаго (*litterae majusculae*), третьи—размѣры нѣсколько меньшіе (*litterae minusculae*) и т. п. Кроме литеръ съ особымъ начертаніемъ въ вз. текстѣ находятся еще необычные знаки, или пункты—*puncta extraordinaria*, поставленные то надъ цѣлыми словами (надъ каждою буквою въ словѣ), то надъ отдѣльными литерами. О многихъ изъ литеръ съ особымъ начертаніемъ, о нѣкоторыхъ изъ *punct. extraordin.* упоминаетъ талмудъ; указаніе на одинъ изъ послѣднихъ (*punct. extr.*) находится у Иеронима. Когда именно и вслѣдствіе чего появились литеры и пункты, о которыхъ у

насть рѣчь, неизвѣстно; неизвѣстно также, каково было ихъ первоначальное значеніе; не знали этого даже раввины время талмуда; поэтому то какъ значеніе особаго начертанія извѣстныхъ литеръ, такъ и смыслъ punct. extraord. въ талмудѣ толкуются различно и по преимуществу въ таинственномъ, аллегорическомъ смыслѣ. Но не смотря на то, что первоначальное истинное значеніе литеръ, особеннымъ образомъ начертанныхъ и punct. extraord. было съ теченіемъ времени забыто, эти пункты всегда вносились въ списки священныхъ книгъ и особое начертаніе извѣстныхъ литеръ никогда въ нихъ не измѣнялось: очевидное доказательство той изумительной заботливости, съ какою въ домазоретскій періодъ вз. текстъ былъ охраняемъ отъ самыхъ незначительныхъ измѣненій даже по внѣшнему своему виду, однажды установленному.

III. Третій періодъ исторіи вз. текста есть періодъ мазоретскій, продолжавшійся съ 6 по 11 ст. нашей эры.

Въ періодъ домазоретскій были, какъ мы знаемъ, совершенны главныя работы относительно свящ. вз. текста. Но результаты эти работъ были, въ большинствѣ, достояніемъ устнаго преданія и лишь съ его помощью распространялись и передавались изъ рода въ родъ. Въ домазоретскій періодъ и особенно въ его началѣ раввины строго придерживались ими самимъ установленнаго правила, которымъ воспрещалось заключать въ письмена то, что хранилось въ преданіи. Правило это было вызвано описаніемъ—поставить преданіе, посредствомъ записи, наравнѣ съ свящ. текстомъ и чрезъ то унижить этотъ послѣдній. Съ особою строгостію это правило примѣнялось къ тому, что въ преданіи непосредственно относилось къ тексту и что, въ случаѣ записи, необходимо было присоединить къ нему. Такъ обр. въ домазоретскій періодъ достояніемъ преданія оставались способы чтенія текста, состоявшаго изъ согласныхъ литеръ, критическія его исправленія и под. Но при постоянныхъ занятіяхъ раввиновъ свящ. текстомъ, содержаніе преданія относительно этого текста конечно постоянно увеличивалось въ своемъ объемѣ, а потому естественно, что съ те-

ченіемъ времени все болѣе и болѣе становилась сомнительною возможность послѣдовательнаго проведенія правила о передачѣ письмени устнаго преданія. Отсюда, главнымъ образомъ, возникла потребность заключить въ письмена результаты критико-экзегетическихъ работъ предшествовавшихъ временъ относительно вз. текста. Приведеніе въ порядокъ и запись этихъ результатовъ и характеризуютъ собою мазоретскій періодъ.

Благодаря трудамъ раввиновъ мазоретскаго періода, въ этотъ періодъ возникла пунктація свящ. вз. текста и мазора.

Цѣль пунктаціи состоитъ въ томъ, чтобы выразить въ письмени способъ чтенія вз. текста, состоявшаго изъ однихъ согласныхъ литеръ безъ всякихъ другихъ, какихъ бы то ни было, начертаній. Съ этою цѣлію въ періодъ мазоретскій и были придуманы различные знаки и присоединены къ основнымъ письменамъ вз. текста. Знаки эти очень многочисленны и разнообразны. Одни изъ нихъ опредѣляютъ произношеніе нѣкоторыхъ согласныхъ, другіе обозначаютъ собой гласные звуки [знаки вокальные]. Третьи наконецъ облегчаютъ и регулируютъ чтеніе св. текста въ качествѣ знаковъ преиннаціи, удареній и под. (это—акценты). Вѣроятно, что начало пунктаціи свящ. текста было положено гораздо ранѣе разсматриваемаго нами періода, очень можетъ быть, что раввины издавна употребляли въ своихъ частныхъ рукописяхъ какіе либо знаки, облегчавшіе чтеніе и пониманіе текста; но во всякомъ случаѣ евр. пунктація, въ настоящемъ своемъ видѣ, возникла именно въ періодъ мазоретскій.—Такая искусственная и многосложная система, какъ система евр. пунктаціи, не могла быть конечно дѣломъ одного лица, не могла окончателно сложиться въ короткое время; несомнѣнно, что она была результатомъ трудовъ многихъ поколѣній ученыхъ раввиновъ, работавшихъ надъ нею не одно столѣтіе.—Но когда именно сложилась въ разсматриваемый нами періодъ система евр. пунктаціи и къ согласнымъ литерамъ свящ. текста присоединены вокальные знаки и акценты, вообще когда св. вз. текстъ получилъ тотъ видъ, въ какомъ онъ существуетъ теперь въ печатныхъ изданіяхъ,—съ

точностію опредѣлить нельзя по недостатку ясныхъ историческихъ свидѣтельствъ. Возможно лишь съ помощью нѣкоторыхъ фактовъ приблизительно обозначить крайніе предѣлы—съ одной стороны времени, въ которое положено начало евр. пунктаціи, съ другой — времени, къ которому она окончательно сложилась.—Такъ, при сличеніи системы евр. пунктаціи съ подобными же системами другихъ семитическихъ народовъ, находятъ, что она родственна съ этими послѣдними и вмѣстѣ съ тѣмъ представляется болѣе сложною и искусственною. На основаніи этого заключаютъ, что евр. пунктаціонная система во 1-хъ сложилась позднѣе родственныхъ ей системъ, а во 2-хъ находилась, по крайней мѣрѣ въ началѣ своего развитія, подъ ихъ вліяніемъ. Но если такъ, то начало евр. пунктаціи могло быть положено не иначе, какъ въ періодъ времени между 6 и 8 вв.; ибо извѣстно, что сирійцы начали пунктировать свои рукописи въ 6-мъ, или незадолго до его начала, арабы же не ранѣе 7-го столѣтія; по крайней мѣрѣ коранъ у арабовъ первоначально начертывался при помощи однихъ лишь согласныхъ литеръ. Далѣе — Саадіа-бенъ-Іосифъ, гаонъ [т. е. духовный глава вавилонскихъ іудеевъ], умершій въ 942 г., и раввинъ Іуда Хійюгъ, жившій нѣсколько позднѣе, уже писали грамматическія сочиненія о пунктаціи, затѣмъ — сличеніе рукописей вз. писаній, произведенное около 1034 г. раввинами Моусе-емъ-бенъ-Нафтали и Аарономъ-бенъ-Амеромъ, касается не согласныхъ литеръ текста, но главнымъ образомъ его пунктаціи; наконецъ, начиная съ 11-го в., веѣ вообще грамматики іудейскіе смотрѣли на пунктаціи св. текста, какъ на фактъ уже совершившійся и притомъ издавна существующій. Так. обр. на 10 в. можно смотрѣть какъ на время, къ которому евр. пунктаціи сложилась окончательно и свящ. евр. текстъ былъ пунктированъ. — Ничего опредѣленнаго нельзя также сказать о лицахъ, которымъ евр. пунктаціи обязана своимъ происхожденіемъ. Изъ преданія іудеевъ, достовѣрность котораго подтверждается новѣйшими учеными изслѣдованіями, извѣстно лишь, что это были палестинскіе ученые раввины, жившіе въ Тиверіадѣ.

Такъ какъ существенною задачею раввиновъ мазоретскаго періода было увѣковѣченіе посредствомъ письменнаго устнаго преданія относительно свящ. текста, то несомнѣнно, что чтеніе этого текста, опредѣленное пунктаціею, теперь существующею, есть чтеніе не произвольное, не умышленное самими пунктаторами, а чтеніе, основанное на преданіи, непрерывно и въ возможной чистотѣ сохранявшемся въ средѣ іудейскаго раввинства, такъ обр. чтеніе истинное, передающее дѣйствительный смыслъ слова Божія, сообщеннаго намъ въ вз. писаніяхъ. Вѣрность преданія чтенія, опредѣленнаго пунктаціею, подтверждается научнымъ филологическимъ анализомъ. Правда тотъ же анализъ указываетъ на нѣкоторыя мѣста, гдѣ чтеніе основано не на преданіи, а опредѣлено на основаніи общихъ началъ евр. пунктаціонной системы; но такихъ мѣстъ не много, они не значительны и потому не сильны подорвать довѣріе къ правильности чтенія св. вз. текста, однажды на всегда установленнаго въ періодъ мазоретскій. Эти мѣста приводятъ лишь къ заключенію, что мазоретская пунктація не можетъ быть признана безусловно правильною и неизмѣнною и такимъ образомъ узаконяють ея критическую повѣрку, особенно въ случаяхъ, возбуждающихъ недоумѣніе.

Мазоретская пунктація вз. текста была встрѣчена іудеями сочувственно; вслѣдствіе этого они стали мало по малу вводить въ употребленіе мазоретскій библейскій текстъ. И чѣмъ болѣе вслѣдствіе внѣшнихъ крайне неблагопріятныхъ обстоятельствъ, для іудеевъ становилось необходимымъ заключать въ письменна всѣ вообще ихъ преданія, тѣмъ болѣе началъ распространяться между ними обычай размножать посредствомъ рукописей мазоретскій текстъ. Вскорѣ онъ появился во всѣхъ рукописяхъ, предназначавшихся для частнаго употребленія, и іудеи стали считать необходимымъ вспомогательнымъ средствомъ для надлежащаго пониманія свящ. текста его пунктацію. Между тѣмъ древнія непунктированные рукописи начали выходить изъ употребленія и сохранялись почти лишь въ синагогахъ, ибо синагогальныя рукописи ни въ какомъ случаѣ

не могли заключать въ себѣ иныхъ какихъ либо начертаній, кромѣ основныхъ согласныхъ литеръ текста, поелику образецъ, согласно съ которымъ они должны были готовиться, былъ однажды на всегда опредѣленъ талмудомъ, какъ неизмѣнная норма.

Но образовавъ пунктацію и присоединивъ ее къ тексту, мазореты были далеки отъ того, чтобы сдѣлать какія либо измѣненія и исправленія въ самомъ текстѣ: этотъ текстъ, издавна опредѣленный и установившійся въ своихъ основныхъ согласныхъ литерахъ—*textus receptus*,—имѣлъ для нихъ, какъ и для раввиновъ предшествующихъ вѣковъ, значеніе текста неприкосновеннаго, въ которомъ не можетъ быть измѣнена ни одна черта. Поэтому-то мазореты собравъ древнія критическія и другія замѣчанія относительно въ текста, отчасти записанныя въ талмудѣ, отчасти хранившіяся въ преданіи, и присоединивъ къ нимъ съ теченіемъ времени свои собственныя, мало по малу записали ихъ и такимъ образомъ возникла мазора.

Слово мазора **מַזְרָה**, **מַזְרָה**, **מַזְרָה** обыкновенно производится отъ корня **מָרַר**, означающаго, по раввинскому словоупотребленію въ талмудѣ, передавать [другимъ принятое ученіе]; мазора слѣд. значитъ преданіе и въ приложеніи къ тѣмъ критическимъ и другаго рода примѣчаніямъ, которыя собраны и записаны въ періодъ мазоретскій, указываетъ на то, что эти примѣчанія, прежде записи, хранились въ устномъ преданіи. Отсюда—и мазореты—название раввиновъ, собравшихъ и записавшихъ названныя замѣчанія.

Главнѣйшую часть содержанія мазоры составляютъ такъ наз. *kêri* [*kêri*—прочитанное, то, что слѣдуетъ читать, въ противоположность *kêtib*—тому, что написано, начертано въ текстѣ]; или грамматическія, экзегетическія и теологическія исправленія текста. ¹⁾ Число *kêri* во всѣхъ почти рукописяхъ

¹⁾ О *kêri* было уже сказано (въ 1-й ст.), какъ о составныхъ частяхъ того критическаго аппарата которымъ, быть можетъ, отчасти пользовались въ домазертскій

различно, такъ какъ преданіе въ различныхъ странахъ и школахъ было не одинаковымъ относительно этого предмета. По свидѣтельству Ильи Левита всѣхъ кѣгі 848, и именно въ пятюнѣжѣи 65, у пророковъ 454 и въ агиографахъ 329; но число ихъ гораздо значительнѣе, такъ что нѣкоторые ученые насчитыва-

периодъ при критическомъ опредѣленіи и окончательномъ установленіи вз. текста въ его основныхъ согласныхъ литерахъ; было также замѣчено, что эти кѣгі въ ихъ отношеніи къ кѣтіб трюкаго рода: они во 1-хъ относятся къ такимъ словамъ, которыя хотя начертаны въ текстѣ, но которыя, по мнѣнію раввиновъ, не слѣдуетъ читать. Въ мазоретскихъ рукописяхъ и печатныхъ изданіяхъ мазоретскаго текста такія слова оставлены безъ пунктаціи, напр. Іезек. 48,16, надъ ними поставленъ кружечекъ, который указываетъ на замѣчаніе, стоящее на поляхъ кѣтіб velo кѣгі, т. е. написанное, но не прочитанное; кѣгі во 2-хъ относятся къ такимъ словамъ, которыхъ хотя нѣтъ въ текстѣ, но которыя однакоже слѣдуетъ читать въ немъ: въ мазоретскихъ рукописяхъ и изданіяхъ слова эти стоятъ на поляхъ, съ замѣчаніемъ: кѣгі velo кѣтіб, т. е. прочитанное но не написанное; въ самомъ же текстѣ выставлена лишь пунктація, относящаяся къ этимъ словамъ, съ кружечкомъ на верху на нихъ указывающимъ, напр. 2 Ц. 8,3; наконецъ въ 3-хъ кѣгі относятся въ такимъ начертаннымъ въ текстѣ словамъ, вмѣсто которыхъ должны быть прочтены другія; эти другія слова въ мазор. рукописяхъ и изданіяхъ поставлены на поляхъ съ замѣчаніемъ кѣгі; пунктація же, къ нимъ относящаяся, присоединена къ словамъ текста, напр. іер. 42, 6.—Иудеи позднѣйшихъ временъ при чтеніи и объясненіи писаній отдали предпочтеніе этимъ кѣгі предъ текстомъ, но едва-ли основательно. Положимъ, что кѣгі устраниютъ изъ текста все, что представляется въ немъ необычнымъ, неудобопонятнымъ, неправильнымъ, положимъ, что нѣкоторые изъ нихъ основываются быть можетъ на дѣйствительныхъ вариантахъ въ текстѣ; но вообще-то они—не болѣе какъ критическія догадки, хотя и удачныя. А потому при пользованіи вз. подлиннымъ текстомъ скорѣе нужно отдавать предпочтеніе не кѣгі, а тому, что значится въ текстѣ Предпочтеніе, отдаваемое кѣгі, есть, въ большинствѣ случаевъ, не иное что, какъ легкій способъ уклониться отъ представляющихся затрудненій, и свидѣтельствуетъ о нежеланіи углубиться въ текстъ и употребить всѣ старанія къ усненію того, что съ перваго раза не поддается уразумѣнію. — Слѣдуетъ замѣтить, что и кѣгі представляютъ одно изъ многочисленныхъ свидѣтельствъ той необыкновенной заботливости, съ какою древніе раввины охраняли отъ всякихъ измѣненій вз. текстъ, однажды установившійся, и о томъ великомъ уваженіи, которое они имѣли къ тексту. Именно кѣгі, какъ результатъ критическихъ работъ раввиновъ указываютъ на то, что раввины были убѣждены въ неправильности тѣхъ мѣстъ въ текстѣ, къ которымъ кѣгі относятся; и однако же они не позволяли себѣ устранить эти, по ихъ мнѣнію, неправильности, поставивъ въ текстѣ кѣгі вмѣсто кѣтіб: все находящееся въ текстѣ было для нихъ священо.

ютъ ихъ до 1000 и даже до 1300. Кромѣ *kêgî* въ мазорѣ ⁴⁾ помѣщены и нѣкоторыя другія, менѣе значительныя, примѣчанія. Большая, хотя и менѣе важная, часть мазоры состоитъ въ перечисленіи особенностей орфографіи, особенностей грамматическихъ формъ, конструкціи и другихъ. Всѣ эти особенности очень незначительны и касаются по большей части мелочей. При перечисленіи особенностей, находящихся въ текстѣ, мазора указываетъ напр. на то, какъ часто и гдѣ именно из-

⁵⁾ Таковы, между прочимъ, *מִצַּדֵּי סֹפְרִים* (*ittur sepherim* и *הַמִּצַּדֵּי סֹפְרִים* (*Tikkun sopherim*).

Ittur sopherim-ablatio (*extrusio*) *scribarum*; это указаніе на нѣчто относившееся къ тексту, но въ послѣдствіи упущенное соферимами. Такихъ опущеній мазора указываетъ три въ пятикнижій (Быт. 18; 5; 24, 55; Числ. 31, 2) и два въ псалмахъ (ис. 68, 26; 86, 7); объ одномъ изъ нихъ упомянуто въ талмудѣ; всѣ они касаются \uparrow соединительнаго (\uparrow *copulativum*). Существуетъ мнѣніе, по которому это \uparrow *copulat.* не находилось въ текстѣ въ указанныхъ мѣстахъ, но присоединилось къ нимъ при чтеніи; так. обр. оно не было изъято изъ текста, а устранено изъ чтенія. На этомъ мнѣніи настаиваетъ Кейль (*Einl.*, 2 Auflage 3. 621).—*Tikkun sopherim-correctio scribarum*. *Tik. sorph.* указываетъ на такія чтенія въ текстѣ, которыми замѣнены, съ цѣлю исправленія, другія, прежде находившіяся въ рукописяхъ, чтенія. Такихъ чтеній, или мѣстъ указано въ мазорѣ (талмудъ о нихъ не упоминаетъ) 18, съ обозначеніемъ въ 16 случаяхъ и чтеній, прежде бывшихъ, но подвергшихся исправленію. Обыкновенно полагаютъ, что тѣ мѣста въ текста, которыя обозначены въ мазорѣ, какъ *Tikkun sorph.* суть дѣйствительныя исправленія неправильныхъ чтеній, имѣвшихъ мѣсто въ нѣкоторыхъ рукописяхъ, — исправленія, произведенныя соферимами съ помощью рукописей болѣе надежныхъ, и что чтенія, предпочтенныя соферимами и теперь находящіяся въ текстѣ, суть первоначальныя. Блекъ впрочемъ предполагаетъ нѣчто другое. По его мнѣнію, тѣ чтенія, которыя указаны въ мазорѣ, какъ чтенія подвергшіяся исправленію, суть чтенія первоначальныя и они находились въ большей части рукописей; но такъ какъ они представлялись, съ извѣстной точки зрѣнія, не вполнѣ приличными и сомнительными, то соферимы сочли себя не въ правѣ исправить ихъ. По предположенію Блека (*Einl.*, s. 803—804) противорѣчитъ все, что положительно намъ извѣстно объ отношеніи раввиновъ всѣхъ вѣковъ къ въ. тексту; они всего менѣе были способны исправлять текстъ, руководствуясь своими личными воззрѣніями.—Вѣроятно же всего, что *tikun. sorph.*, подобно многимъ *kêgî*, лишь результатъ предположеній раввиновъ мазоретскаго періода: исправленія указанныхъ ими мѣстъ въ дѣйствительности не было.—Во всякомъ случаѣ свидѣтельства мазоры, произведенныхъ будто бы соферимами исправленійхъ чтеній въ текстѣ, какъ свидѣтельство времямъ позднѣйшихъ, недостаточны для того, чтобы, имѣя ихъ въ виду, можно было дѣлать положительныя выводы.

вѣстное слово поставлено въ необычной формѣ, въ необычномъ значеніи, сколько разъ оно поставлено съ членомъ или безъ члена, соединенно съ тѣмъ или другимъ предлогомъ, стоитъ одно или въ связи съ другими опредѣленными словами. Далѣе мазора указываетъ, сколько каждая свящ. книга имѣетъ стиховъ и какой изъ нихъ занимаетъ среднее мѣсто, и перечисляетъ особенности нѣкоторыхъ стиховъ; такъ она замѣчаетъ напр. что Іерем. 21, 7 состоитъ изъ 42 словъ и 160 литеръ, что только 2 стиха въ пятокнижій (исх. 32, 8; числ. 14, 19) начинаются буюю □, что въ вз. писаніяхъ находится 14 стиховъ, которые состоятъ лишь изъ трехъ словъ, и 26, которые заключаютъ въ себѣ всѣ буквы еврейскаго алфавита и т. д. Въ мазорѣ также исчисляются литеры съ особымъ начертаніемъ *puncta extraordinaria*, указываются особенности въ пунктаціи.—Несомнѣнно, что большая часть замѣчаній, входящихъ въ составъ мазоры, очень мелочны и почти не имѣютъ никакого значенія, какъ это уже и сказано выше; тѣмъ не менѣе они дороги для насъ, какъ свидѣтельство о великой заботливости мазоретовъ—сохранить неизмѣннымъ вз. текстъ; ибо большинство замѣчаній мазоры направлены единственно къ тому, чтобы обезопасить отъ измѣненія или уничтоженія самыя мелкія, незначительнѣйшія особенности въ текстѣ вз. свящ. писаній. Форма мазоры различна. Такъ мазора писалась на особыхъ листахъ и въ особыхъ книгахъ и составляла отдѣльныя рукописи. За тѣмъ она вносились въ рукописи свящ. книгъ и здѣсь записывалась двоякимъ образомъ: или ее начертывали на верхнихъ, нижнихъ, а иногда и на крайнихъ поляхъ рукописей, начертывали очень подробно съ полнымъ обозначеніемъ мѣстъ, которыхъ замѣчанія касались; или же ее помѣщали на срединныхъ поляхъ между еврейскимъ текстомъ и халдейскимъ его переводомъ [таргумомъ]. Въ послѣднемъ случаѣ самая ограниченность мѣста дѣлала необходимымъ сокращенія и употребленія различныхъ символическихъ, условныхъ знаковъ; сокращенія простирались здѣсь такъ далеко, что становились темными и загадочными. Мазору, начер-

танную первымъ способомъ, называютъ большою (masoga magna), начертанную послѣднимъ—малою (m. parva). ⁶⁾

Вслѣдствіе того, что переписчики, при внесеніи въ свящ. рукописи мазоры, и отчасти по произволу, отчасти стѣсняемые остававшимся въ ихъ распоряженіи свободнымъ пространствомъ, вписывали то большее то меньшее, количество мазоретскихъ замѣчаній, затѣмъ—вслѣдствіе различныхъ причудливыхъ каллиграфическихъ украшеній, въ которыя были нерѣдко облакаемы эти замѣчанія,—въ мазору съ теченіемъ времени вкралось множество неправильностей и ошибокъ, такъ что она наконецъ стала почти непонятною для большей части не только переписчиковъ но даже и раввиновъ. Первый опытъ привести въ порядокъ мазору былъ сдѣланъ тунисскимъ раввиномъ Іаковомъ-бенъ-Хайимомъ. Обладая надлежащими познаніями и изумительнымъ прилежаніемъ, Іаковъ посредствомъ сличенія различныхъ рукописей, содержащихъ одну лишь мазору, а также при помощи своихъ собственныхъ примѣчаній, придалъ мазорѣ тотъ видъ, въ которомъ она существуетъ и доселѣ. Іаковъ напечаталъ исправленную и приведенную имъ въ порядокъ мазору во второмъ изданіи раввинской библии 1526 г. и чрезъ то сдѣлалъ ее общимъ достояніемъ. Чтобы сдѣлать пользованіе мазорою наиболѣе удобнымъ, Іаковъ въ концѣ библии еще разъ помѣтилъ содержаніе мазоры, расположивъ его въ алфавитномъ порядкѣ. Эта расположенная по алфавиту и помѣщенная послѣ библейскаго текста мазора называется мазорою величайшею или конечною—masoga machi-

⁶⁾ Нужно замѣтить, что мазора рѣже писалась въ опредѣленныхъ рукописяхъ, нежели вносила въ списки свящ. книгъ. Поэтому въ настоящее время извѣстно весьма ограниченное количество рукописей, заключающихъ въ себѣ одну мазору. Одна изъ такихъ рукописей находится въ парижской (бывшей императорской) библиотекѣ. Мазора изложенная въ этой рукописи въ алфавитномъ порядкѣ (и въ исправлѣнномъ видѣ) напечатана въ 1864 г. въ Ганноверѣ, Френслорфомъ, подъ заглавіемъ: Das Buch Ochlah Wochlah; Названіе это взято отъ первыхъ словъ, которыми мазора въ названной рукописи начинается (חללה וכלה 1 Ц. 1. 9; חללה וכלה Вят. 27, 19)

ma, finalis, въ противоположность съ мазорою великою и малою—мазога magna, parva, помѣщаемою на поляхъ и потому обозначаемою также словомъ textualis,—находящаяся въ текстѣ. Но приведенная въ порядокъ и исправленная Иаковомъ-бенъ-Хайимомъ мазора далека однакоже отъ совершенства. Неправильности и ошибки въ рукописяхъ, содержащихъ мазору, были такъ многочисленны, что исправленіе ихъ превышало силы одного человѣка, хотя бы то ученаго и крайне трудолюбиваго, каковымъ былъ раввинъ Иаковъ. Это-то подало поводъ Буксторфу (старшему) предпринять дальнѣйшее исправленіе мазоры; но и онъ не довелъ до конца этого исправленія и мазора для своего приведенія въ возможно совершенный видъ доселѣ ждетъ новаго Иакова-бенъ-Хайима, или Буксторфа.

IV. Со времени окончанія мазоретскихъ работъ и собранія въ одно цѣлое мазоретскихъ замѣчаній текстъ вз. свящ. книгъ не подвергался уже, со внѣшней своей стороны, ни какому новому измѣненію. Въ продолженіе четвертаго или послѣ мазоретскаго періода всѣ заботы какъ іудейскихъ такъ и христіанскихъ ученыхъ были направлены (и направляются) лишь къ неизмѣнному сохраненію и распространенію вз. текста въ томъ видѣ, какой приданъ ему въ предшествовавшія времена.

До изобрѣтенія книгопечатанія вз. подлинный текстъ распространялся посредствомъ рукописей. Рукописи эти двоякаго рода: официанья или священныя, предназначенныя для употребленія въ синагогахъ, и частныя или общепотребительныя. Рукописи синагогальныя не содержатъ въ себѣ всего в. завѣта, а лишь нѣкоторыя его книги, потребныя въ синагогахъ и главнымъ образомъ пятокнижіе. Рукописи эти начертаны на пергаменныхъ, или кожаныхъ свиткахъ съ строгимъ соблюденіемъ всѣхъ правилъ, предписанныхъ въ талмудѣ относительно снятія свящ. копіи. Въ нихъ нѣтъ мазоретской вокализаціи и акцентуаціи, но сохранены какъ puncta extraordinaria, такъ и особое начертаніе извѣстныхъ литеръ, а также древнія, упоминаемыя въ талмудѣ, пустыя пространства между

словами и отдѣленіями текста. Поэтому въ священныхъ или синагогальныхъ рукописяхъ, дошедшихъ до насъ изъ древняго, сравнительно, времени, текстъ совершенно одинаковъ. Что касается рукописей предназначенныхъ для всеобщаго употребленія, то онѣ начертаны по преимуществу на пергаментѣ; нѣкоторыя изъ нихъ, впрочемъ, на хлопчатой и обыкновенной бумагѣ. Онѣ имѣютъ форму не свитковъ, а книгъ различнаго формата. Текстъ въ нихъ начертанъ колоннами, а текстъ поэтическихъ книгъ сверхъ того стихами. Въ нихъ преобладаетъ квадратный шрифтъ, къ согласнымъ основнымъ литерамъ текста присоединена мазоретская пунктація, начальныя литеры или слова нерѣдко разукрашены золотомъ, или различными красками, снабжены также причудливыми украшеніями примѣчанія мазоры. Рукописи, о которыхъ у насъ рѣчь, содержатъ въ себѣ или одинъ еврейскій текстъ, или же—что гораздо чаще—евр. текстъ въ соединеніи съ переводомъ, по большей части халдейскимъ, рѣже съ арабскимъ и другими переводами. На верхнихъ и нижнихъ поляхъ рукописей помѣщается большая мазора, иногда раввинскій комментарий, на крайнихъ поляхъ варианты, указанія, относящіяся къ парашамъ и гафтарамъ, на внутреннихъ—мазора малая.—Рукописи, назначавшіяся для всеобщаго употребленія, приготовлялись не однимъ лицомъ, а нѣсколькими. Такъ одинъ переписчикъ начертывалъ согласныя литеры текста, другой пункты, третій мазору и т. д.—Дошедшія до насъ отъ прежнихъ временъ рукописи, содержація подлинный вз. текстъ, не особенно древни. Такъ, ни одна изъ нихъ не принадлежитъ періоду домазоретскому или мазоретскому. Причина этого—та, что рукописи мазоретскія совершенно вытѣснили собою рукописи, бывшія до нихъ въ употребленіи и не снабженныя пунктаціею, и эти послѣднія, сдѣлавшись ненужными, вскорѣ утратились. Правда рукописи мазоретскія не были допущены въ синагоги. Въ синагогахъ продолжали употреблять свитки, начертанные древнимъ способомъ; но свитки эти, какъ скоро приходили въ ветхость, были тотчасъ же уничтожаемы рав-

впамяти и замѣнялись новыми и во всякомъ случаѣ, какъ священныя, ни подъ какимъ видомъ не могли быть продаваемы христіанамъ. Относительно достоинства дошедшихъ до насъ мазоретскихъ рукописей мнѣнія ученыхъ различны; несомнѣнно одно, что древнѣйшія рукописи 11, 12 и 13 вв. несравненно правильнѣе, нежели рукописи послѣдующаго времени. Причина менѣе удовлетворительнаго состоянія позднѣйшихъ мазоретскихъ рукописей заключается въ томъ, что приготовленіе списковъ св. книгъ для всеобщаго употребленія совершалось не съ такою тщательностію, съ какою было совершаемо приготовленіе списковъ синагогальныхъ. Вслѣдствіе этого въ нихъ легко вкрадывались ошибки не только относительно пунктаціи и раздѣленія, но и относительно основныхъ согласныхъ литеръ текста; такъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ переписчики ставили въ текстѣ, вмѣсто *kétib*, *kéri*. Мазора, конечною цѣлію которой было огражденіе сваящ. текста отъ какихъ бы то не было измѣненій, не всегда могла удержать отъ этихъ измѣненій переписчиковъ, такъ какъ и сама она, при перепискѣ, нерѣдко подвергалась произволу: переписчики позволяли себѣ дѣлать въ ней пропуски, измѣненія.—Нужно однакоже замѣтить, что ошибки, входившія въ рукописи сваящ. мазоретс. текста не были оставляемы безъ вниманія; небрежность и неопытность нѣкоторыхъ переписчиковъ были уравновѣшиваемы усердными заботами ученыхъ раввиновъ о сохраненіи текста въ первоначальной чистотѣ. Такъ извѣстно, что нѣкоторые изъ наиболѣе замѣчательныхъ іудейскихъ толковниковъ среднихъ вѣковъ старались, посредствомъ сличенія рукописей, устранять вкрапившіяся въ текстѣ ошибки! При этомъ они руководствовались рукописями, образцовыми по своей исправности, которыя конечно должны были содѣйствовать успѣху ихъ исправительныхъ работъ. Изъ критическихъ трудовъ средневѣковыхъ раввиновъ относительно текста особенно извѣстенъ трудъ Мейера Галлеви изъ Толедо, жившаго въ 13 в. Галлеви цѣлію своего труда поставилъ устраненіе изъ текста пятокнижія всѣхъ тѣхъ ошибокъ, которыя были допущены въ него позднѣйшими

переписчиками.—Правда, что опыты очищенія вз. текста до изобрѣтенія книгопечатанія оставались, такъ сказать, изолированными; критическіе труды раввиновъ не могли повсюду и быстро распространяться и такимъ образомъ дѣлать невозможными на будущее время ошибки въ мазоретскомъ текстѣ при размноженіи его копій, особенно если взять во вниманіе разбросанность іудейскаго племени по лицу всей земли. Тѣмъ не менѣе, благодаря критическимъ трудамъ средневѣковыхъ раввиновъ, въ извѣстныхъ кружкахъ іудейскаго міра существовали очень правильныя рукописи вз. мазоретскаго текста и вотъ эти то, между прочимъ, рукописи, со введеніемъ книгопечатанія, помогли первымъ издателямъ вз. библии на подлинномъ языкѣ распространить повсюду возможно правильный библейскій текстъ.

Само собою понятно, что первые издатели свящ. вз. книгъ на евр. языкѣ поставили своею задачею издать ихъ въ исправнѣйшемъ видѣ. Для выполненія этой задачи они старались изъ числа доступныхъ имъ рукописей избирать наилучшія, тщательно сличали ихъ, пользуясь при этомъ мазорою, и затѣмъ уже приступали къ печатанію. Но задача — отпечатать библейскій мазоретскій текстъ въ возможно лучшемъ видѣ—задача очень трудная и по обширности самаго текста и по многосложности и разнообразію законовъ, изъ которыхъ слагается его внѣшній видъ и потому она не могла быть выполнена разомъ, напротивъ потребовались цѣлыя столѣтія и труды великаго множества лицъ для ея надлежащаго осуществленія. И нужно замѣтить, что едвали и въ настоящее время она осуществлена въ совершенствѣ. Первые издатели вз. подлиннаго текста ограничивались изданіемъ лишь отдѣльныхъ книгъ. Такъ, въ 1477 г., была отпечатана псалтирь; но основной еврейскій текстъ въ этомъ изданіи не пунктированъ; затѣмъ въ 1482 г. въ Болонѣ было напечатано пятовнишіе съ пунктаціею, таргумомъ и съ комментариемъ раввина Кимхи; далѣе въ 1486 г. невимъ, или второе отдѣленіе евр. вз. канона, въ Сончино, безъ пунктаціи, съ комментариемъ Кимхи;

наконецъ въ 1487 г., въ Неаполѣ, всё агіографы, съ гласными знаками, но безъ акцентовъ, съ различными раввинскими комментаріями. Первые изданія были неудовлетворительны въ техническомъ отношеніи, а также въ томъ, что основою для нихъ служило ограниченное количество рукописей.—Послѣ того какъ вз. біблія на подлинномъ языкѣ была напечатана по частямъ, начали появляться и полныя ея изданія. Первое изъ нихъ по времени есть изданіе, напечатанное въ Сончино, небольшомъ итальянскомъ городкѣ, въ 1488 г. Въ основу его легли отчасти прежнія рукописи, отчасти изданія отдѣльныхъ вз. книгъ; отсюда—не всё его части имѣютъ одинаковое достоинство относительно правильности. Второе полное изданіе вз. бібліи появилось въ 1494 г. въ Брешии; оно было напечатано въ типографіи Герзома; вслѣдствіе этого оно извѣстно подъ именемъ брешианскаго, или герзомова. Въ немъ не сохранено особое начертаніе извѣстныхъ буквъ; нѣтъ данныхъ относительно кері и ketib; во многихъ случаяхъ кері внесены въ текстъ. Это изданіе сходно съ первымъ, появившимся въ Сончино.—Заботы объ изданіи по возможности правильнаго вз. текста бібліи особенно усилились съ начала 16-го столѣтія, благодаря участію въ этомъ дѣлѣ христіанскихъ ученыхъ. Въ 16 в. наиболѣе правильный евр. свѣщ. текстъ напечатанъ въ комплютенской полиглоттѣ и въ бомбергскихъ изданіяхъ бібліи. Въ первой, обнимающей собою В. и Н. З., вз. книги напечатаны подъ заглавіемъ: *Biblia sacra, V. T. multiplici lingua nunc primo impressum*. Полиглотта комплютенская, выходившая съ 1514 по 17 г. въ испанскомъ городѣ Комплютенѣ, была отпечатана благодаря попеченіямъ толедскаго архіепископа, кардинала Франца Хименеса, который для ея еврейскаго текста постарался приобрѣсти, съ весьма значительными издержками, семь евр. рукописей изъ разныхъ странъ. Кромѣ вз. евр. текста въ комплютенской полиглоттѣ помѣщены, между прочимъ, переводъ LXX и таргумъ Онкелоса на пятокнижіе. Къ евр. тексту и къ LXX присоединенъ точный латинскій переводъ, вновь со-

ставленный. — Почти одновременно съ выходомъ комплют. полиглотты нѣкто Даніиль Бомбергъ изъ Антверпена устроилъ въ Венеціи типографію, которая была посвящена исключительно печатанію произведеній еврейской литературы. Изъ этой типографіи вышли различныя большія и малыя изданія свящ. вз. книгъ, именно пять изданій одного евр. вз. текста и три большихъ изданія раввинской библии in fol. Первымъ изъ этихъ послѣднихъ изданій завѣдывалъ перешедшій въ христіанство іудей Felix Pratensis; въ немъ евр. текстъ былъ напечатанъ главнымъ образомъ по герзеновскому изданію съ большою мазорою, таргумами и раввицкими комментаріями Кимхи, Раши и др. Второе изданіе, пользующееся особеннымъ уваженіемъ, особенно между іудеями, было отпечатано въ 1526 г. подъ наблюденіемъ ученаго раввина Іакова-бенъ-Хайима, о которомъ мы уже упоминали. Въ основу евр. вз. текста въ этомъ второмъ изданіи Іаковъ-бенъ-Хайимъ положилъ текстъ перваго изданія; но онъ во многомъ его исправилъ, руководствуясь при этомъ какъ мазорою, такъ и новыми, прежнимъ издателямъ неизвѣстными, рукописями, главн. обр. испанскими. — Изданіе подлиннаго вз. текста, отпечатанное въ Сончипно, затѣмъ комплютеское и второе изданіе бомберговское считаются главнѣйшими. Тексты этихъ изданій, особенно бомберговскаго, легли въ основу всѣхъ изданій позднѣйшихъ.

Въ началѣ нашего очерка въ числѣ прочихъ вопросовъ былъ также выставленъ вопросъ о лицахъ, производившихъ перемѣны во впѣшнемъ видѣ вз. текста, о лицахъ вообще работавшихъ надъ этимъ текстомъ, хранившихъ и распространявшихъ его. Безъ прямаго отвѣта на этотъ вопросъ очеркъ нашъ не будетъ законченнымъ. И потому мы сообщимъ нѣсколько историческихъ данныхъ о названныхъ лицахъ, преимущественно за время, обнимаемое домазоретскимъ періодомъ исторіи вз. текста, какъ наиболѣе важнымъ въ этой исторіи.

Сообщая свѣдѣнія относительно исторіи вз. текста, мы неоднократно упоминали, что лица, занимавшіяся текстомъ были

іудейскіе раввины. Но раввины эти не были отдѣльными личностями, время-отъ-времени появлявшимися среди іудеевъ, личностями, посвящавшими себя изслѣдованію св. писаній лишь вслѣдствіе преобладанія въ нихъ извѣстныхъ наклонностей. Нѣтъ, іудейскіе раввины въ средѣ своего народа составляли особый искусно организованный міръ, имѣвшій свою исторію, богатую какъ свѣтлыми, такъ и скорбными страницами, своихъ героевъ, прославившихся достойною удивленія и уваженія дѣятельностію,—міръ, въ жизни и судьбахъ котораго писанія Вет. Заѣта и особенно писанія Моусеевы имѣли великое, можно сказать, исключительное значеніе.

Появленіе раввинства въ іудейскомъ народѣ, какъ самостоятельной, могущественной силы, предъ которою съ теченіемъ времени должно было все преклониться, совпадаетъ съ возвращеніемъ Іудеевъ изъ вавилонскаго плѣненія въ Палестину. Іудеи возвратились въ свое отечество съ живымъ сознаниемъ того, что они-то избранное Богомъ племя, которое было организовано въ народъ великимъ пророкомъ и законодателемъ Моусеемъ и что поэтому имъ снова слѣдуетъ устроить свою жизнь сообразно съ Моусеевымъ закономъ. Это сознаніе поставило въ необходимость Ездру, находившагося во главѣ народа, и его помощниковъ стремиться въ своей дѣятельности къ двойной цѣли: къ уясненію предъ народомъ закона Моусеева и къ проведенію началъ этого закона во всѣ сферы народной жизни. Осуществленіе этой двойной цѣли потребовало тѣснаго союза между школою и правительственною властію. Союзъ состоялся и онъ-то вызвалъ къ жизни раввинство, какъ особую корпорацію, которая прежде всего уничтожила всякое значеніе священства, затѣмъ, съ помощію демократіи, путемъ открытыхъ революцій, захватила въ свои руки государственную власть, пока наконецъ не сдѣлалась, повинуваясь силѣ историческихъ обстоятельствъ, совершенно безучастной ко внѣшнему міру и не погрузилась всецѣло въ ученія занятія свящ. вз. писаніями вообще и въ особенности закономъ, что впрочемъ всегда было главнымъ ея дѣломъ.—Наученіе Моу-

сееву закону народа прежде всего привело къ истолкованію еврейскаго библейскаго текста на халдейскомъ нарѣчіи, сдѣлавшемся общеупотребительнымъ. Истолкованіе это состояло отчасти въ буквальномъ лишь переводѣ, отчасти въ перифразѣ. Впрочемъ подобнымъ истолкованіемъ дѣло не ограничилось: къ нему стали примѣшивать объясненія содержанія сваящ. текста и наставленія; такимъ образомъ къ таргуму было присоединено такъ называемой даращъ т. е. изслѣдованіе писанія и сообщеніе результатовъ изслѣдованія въ увѣщательномъ, гомилетическомъ тонѣ. Наученіе закону совершалось публично въ народныхъ собраніяхъ (1 Мак. 14, 28), состоявшихъ изъ старѣйшинъ, священниковъ и народа. На этихъ собраніяхъ сословіе учителей закона постепенно приобрѣтало тѣмъ большее вліяніе, чѣмъ болѣе, при изъясненіи закона, встрѣчалось затруднительныхъ вопросовъ, требовавшихъ разрѣшенія или устраненія. вмѣстѣ съ тѣмъ вліяніе учителей закона или раввиновъ усиливалось и въ другой сферѣ общественной дѣятельности: въ Иерусалимѣ и другихъ городахъ мало по малу образовались судилища, члены которыхъ собирались дважды въ недѣлю для рѣшенія тяжёбныхъ дѣлъ; дѣла рѣшались на основаніи закона Моисеева, а потому естественно, что учителя закона или раввины чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе начали принимать участіе въ отправленіи правосудія. Первоначально раввины исключительно или главнымъ образомъ принадлежали къ сословію священниковъ; но такъ какъ всякій іудей могъ заниматься изученіемъ закона, то вскорѣ появились лица, которыя хотя и не были священниками, но основательно знали законъ, а потому начали мало по малу обучать ему, чѣмъ и было положено начало замѣны сословія священниковъ сословіемъ раввиновъ, а также начало участія раввиновъ въ управленіи народомъ.—Таргумъ и даращъ, вызванные потребностію наставлять народъ въ законѣ, въ свою очередь привели къ новой, и также двойскаго рода, дѣятельности, именно къ размноженію списковъ сваящ. книгъ, а главное къ опредѣленію вз. канона и разнообразнымъ работамъ надъ вз.

тскстомъ съ цѣлю обезопасить его на будущее время отъ поврежденій. Эта дѣятельность принадлежитъ раввинамъ—соферимамъ или мужамъ великой синагоги и ею вообще характеризуется первая эпоха въ исторіи іудейскаго раввинства. Последнимъ членомъ въ ряду мужей великой синагоги былъ Симеонъ праведный, бывшій первосвященникомъ или ко времени посѣщенія Іерусалима Александромъ Македонскимъ, или нѣсколько позднѣе. Симеонъ заключилъ собою первую эпоху въ историческомъ развитіи раввинства, положивъ вмѣстѣ съ тѣмъ начало для послѣдующей—второй.

Эта вторая эпоха отмѣчена развитіемъ въ средѣ раввинства сектъ и школъ и окончательною организаціею сословія раввиновъ.—Между тѣмъ какъ военныя безпокойства и сирійское иго остановили начатое Ездрую проведеніе постановленій Моусеева закона въ жизнь народа іудейскаго: въ нѣкоторой части народа, и именно въ лучшей и образованнѣйшей, ревность по законѣ пробудилась тѣмъ съ большей силой и она-то породила въ раввинствѣ секты и ученые школы. Эти послѣднія были вызваны къ жизни Симеономъ: главою первой школы талмудъ называетъ лучшаго изъ учениковъ Симеоновыхъ — Антигона. Изъ первой школы вскорѣ выдѣлилась другая. Два ученика Антигона, въ томъ числѣ Саджъ, остановили вниманіе на одномъ изъ главныхъ положеній своего учителя: «не будьте рабами, которые служатъ господину съ цѣлю получить награду» и объяснили его въ томъ смыслѣ,—что въ вѣчности нѣтъ награды и за предѣлами гроба не будетъ никакого воздаянія, положивъ такимъ образомъ основаніе саддукейству, которое сначала было лишь школою и только впослѣдствіи получило значеніе секты, когда, съ развитіемъ фарисейства, ясно обозначилось рѣзкое различіе между воззрѣніями суддукеевъ и фарисеевъ. Фарисейское направленіе, зародыши котораго обнаружились въ іудейскомъ обществѣ, тотчасъ же по возвращеніи изъ вавилонскаго плѣна, вполне опредѣлилось, также какъ и направленіе саддукеевъ, среди тяжелыхъ обстоятельствъ сирійскаго владычества. Изъ числа Моусеевыхъ законовъ ис-

полненіе которыхъ, при названныхъ обстоятельствахъ, было еще возможно, особенное значеніе получили законы внѣшней обрядности, каковы, напр. законы очищенія. Но народъ вообще всегда небрежно относился къ ихъ выполненію, что еще во времена великой синагоги дало поводъ къ возникновенію общества людей, которые заботились о самомъ строгомъ выполненіи названныхъ законовъ, чѣмъ, конечно, очень замѣтно выдѣлялись изъ народныхъ массъ. Съ теченіемъ времени это общество выдѣлившись или отдѣленныхъ (**פְּרֻשִׁים** pheruschim, отсюда фарисей) все болѣе и болѣе объединялось, такъ что образовало изъ себя духовный, подраздѣлявшійся на различныя степени орденъ, который, смотря по обстоятельствамъ, принималъ иногда характеръ политическаго клуба. Направленіе фарисеевъ и ихъ значеніе въ народѣ со всею полнотою выяснились во времена Маккавейскія: они то главнымъ образомъ, имѣя во главѣ Маккавеевъ, вели борьбу за Моисеевъ законъ и, одержавъ побѣду, съ большимъ, чѣмъ прежде, усердіемъ отдались изученію этого закона и всѣхъ вообще вз. писаній. Благодаря этимъ ревностнымъ занятіямъ вз. писаніями, изъ общества фарисеевъ и вышли знаменитѣйшіе и ученѣйшіе раввины и между прочимъ тѣ десять представителей различныхъ школъ, которые нечисляются въ талмудѣ и которые дѣйствовали въ первомъ столѣтіи предъ Р. Х. Эти представители школъ (нужно замѣтить, что во главѣ школъ они стояли по парно) занимались по преимуществу объясненіемъ писаннаго закона, опираясь при этомъ на преданія своихъ предшественниковъ, восходившемъ ко временамъ Ездры. Въ числѣ десяти и послѣднимъ въ ряду ихъ былъ Гиллель великій. Этотъ то знаменитый раввинъ далъ окончательную организацію всему раввинству, соединивъ сословіе учителей закона въ тѣсно сплоченную корпорацію, не смотря на различіе направленій между саддукеями и фарисеями.

Около 80 г. до Р. Х. раввинами было введено въ употребленіе посвященіе, совершавшееся посредствомъ возложенія рукъ и дававшее право быть учителемъ закона. Поводомъ ко

введенію этого обряда въ указанное время послужило возвышеніе Іерусалимскаго судилица на степень высшей инстанціи по отношенію къ судилицамъ, существовавшимъ въ другихъ городахъ. Со времени такого возвышенія Іерусалимскаго судилица, или великаго синедріона, его члены, которыхъ съ тѣхъ поръ было всегда 70, собирались уже не дважды въ недѣлю, а ежедневно. Кромѣ рѣшенія судебныхъ дѣлъ, они давали окончательное рѣшеніе по всѣмъ религиознымъ вопросамъ, возникавшимъ въ средѣ іудеевъ, гдѣ бы послѣдніе ни находились. Во главѣ членовъ великаго синедріона стоялъ предсѣдатель, которымъ до разрушенія храма былъ по большей части первосвященникъ; впоследствии предсѣдателю былъ усвоенъ титулъ князя (נשיא, насси); помощникъ предсѣдателя назывался верховнымъ судьей (אב בית דין, аб-ббет-динъ). Всѣ 70 членовъ должны были имѣть посвященіе и по крайней мѣрѣ два изъ нихъ—отличаться глубокой ученостію.—Столь высоко поставленному Іерусалимскому синедріону Гиллель придалъ еще большее значеніе, особенно въ раввинскомъ мірѣ. Именно со времени Гиллела посвященіе и соединенныя съ нимъ права учителя закона можно было получить не иначе, какъ съ согласія и утвержденія предсѣдателя синедріона и верховнаго судьи, притомъ можно было получить лишь лицу, избравшему поприщемъ своей дѣятельности Палестину. Такимъ образомъ посвященіе, будучи поставлено со временъ Гиллела въ зависимость отъ синедріона, сплотило около этого послѣдняго весь раввинскій міръ Палестины во одно тѣсно связанное цѣлое.

Но сообщеніе окончательной организаціи раввинскому міру не было главнымъ дѣломъ Гиллела, прославившимъ его; какъ раввинъ, онъ прославился тѣмъ, что внесъ опредѣленность и систематичность въ ученныя занятія раввиновъ; этимъ онъ положилъ прочное начало приведенію въ порядокъ Мишны и открылъ третью эпоху въ исторіи раввинства. До Гиллела Моисеевъ законъ былъ подраздѣляемъ на 613 частей, или рубрикъ съ цѣлю его ученой обработки на основаніи преданія. Гил-

лель уничтожилъ это до крайности мелкое дѣленіе, замѣнивъ 613 рубрикъ 18-ью, что дало раввинамъ возможность внести порядокъ и ясность въ тотъ матеріалъ, который они, при объясненіи закона, заимствовали изъ преданія. Затѣмъ, давая дальнѣйшее развитіе предписаніямъ закона, выводя изъ нихъ, какъ изъ общихъ положеній, положенія частныя, раввины не руководствовались при этомъ какими либо опредѣленными правилами, не держались какой либо системы. Гиллель выработалъ 7 руководственныхъ правилъ, сдѣлавшихся обязательными для раввиновъ въ ихъ занятіяхъ закономъ; такъ Гиллель между прочимъ заключалъ отъ болѣе важнаго къ менѣе важному и наоборотъ, дѣлалъ выводы изъ сходства по содержанию различныхъ предписаній закона, изъ общихъ положеній, сообразныхъ съ закономъ, изъ положеній, которыя естественно вытекали изъ нѣсколькихъ мѣстъ закона и проч. — За свою ученую дѣятельность Гиллель названъ въ талмудѣ возстановителемъ закона послѣ Ездры и былъ возвышенъ на степень предсѣдателя синагога. Того же достоинства и почти той-же славы достигъ внукъ Гиллела Гамалиль великій, учитель ап. Павла. Дѣдъ и внукъ, сверхъ другихъ достоинствъ, кротостію и снисходительностію ко мнѣніямъ другихъ, въ противоположность съ партією Зелотовъ, которая, усиливаясь все болѣе и болѣе, ускорила разрушеніе Иерусалима. Послѣ этого разрушенія, во время котораго, — нужно замѣтить, — погибъ сынъ Гамалила, Симеонъ, лучшіе, пощаженные римлянами, раввины собрались въ Ямни, при чемъ во главѣ новаго синагога былъ поставленъ сынъ Симеона, Гамалиль II-й. — Съ гибелью іудейскаго народа, какъ политическаго дѣлага, партія саддукеевъ, имѣвшая въ послѣднее время лишь политическое значеніе, почти исчезла; съ разрушеніемъ храма священство уничтожилось; единственною живою силою въ іудейскомъ обществѣ остался опиравшійся на преданіе раввинизмъ и потому онъ вскорѣ достигъ въ средѣ своихъ соплеменниковъ безусловнаго надъ всѣмъ господства. — Въ началѣ 2-го в. по Р. Х. представители раввинства съ помощью насилія уничтожили

послѣднія попытки сохранить самостоятельность и умѣренность въ пользованіи преданіемъ при объясненіи закона; именно нѣкоторые отдѣльныя и при томъ лучшія личности изъ раввиновъ, желавшія противодѣйствовать крайностямъ, до которыхъ доходилъ раввинизмъ, выводя изъ постановленій закона различныя правила, были подвергнуты проклятію. Проклятіе при этомъ случаѣ было употреблено впервые; но впослѣдствіи оно нашло обширное приложеніе въ раввинскомъ мірѣ.—Возстаніе, произведенное ложнымъ мессіею Вар-кохавомъ въ 131 г. и вызванное преслѣдованіями, которымъ подвергались іудеи со стороны римлянъ, окончилось самымъ бѣдственнымъ для іудеевъ образомъ и дало лишь поводъ къ преслѣдованіямъ еще болѣе тяжкимъ, при чемъ особенно жестоко были гонимы раввины. Такъ одинъ изъ нихъ, и притомъ знаменитѣйшій, Акиба былъ умерщвленъ, другой—Симонъ-бенъ-Тохай вынужденъ былъ скрываться въ пещерѣ. Этимъ двумъ раввинамъ были впослѣдствіи приписаны важнѣйшіе каббалистическіе труды.—Около половины 2 в., синедрионъ, имѣя предсѣдателемъ сына Гамалила II-го, Симона, перешелъ изъ Ямніи въ Тиверіаду. Здѣсь, на ряду съ Симономъ, особеннымъ почетомъ пользовался раввинъ Ионаѳанъ (верховный судья) и р. Мейръ (первый совѣтникъ). Около этихъ мужей собирались цѣлыя толпы учениковъ. Но болѣе всѣхъ раввиновъ Тиверіады прославился р. Іуда, сынъ Симона, въ 220 г. получившій титулъ насси, или князя. Насси Іуда обладалъ ученостію, богатствомъ, пользовался вниманіемъ римскаго императора. Со времени Іуды значеніе насси увеличилось въ ущербъ значенію синедриона. Насси начали считать верховнымъ главою всего іудейства; всѣ учителя и судьи должны были получать отъ него свое утвержденіе. Особенно прославился Іуда своею дѣятельностію въ качествѣ учителя. Онъ имѣлъ обширную аудиторію, гдѣ собиралъ около себя юношей для обученія. Ученики должны были, соблюдая извѣстный порядокъ, высказывать свои мнѣнія и недоумѣнія по поводу преподаннаго учителемъ и учитель, выслушавъ своихъ питомцевъ, спокойно отвѣчалъ имъ; въ залахъ, смежныхъ

съ главною аудиторією, шло также обученіе юношества; здѣсь обучали многіе наставники подъ высшимъ надзоромъ и руководствомъ Іуды. Іуда кромѣ того училъ публично въ синагогахъ. Но самымъ важнымъ дѣломъ Іуды было собраніе и запись всего хранившагося въ преданіи относительно закона. И до него были попытки въ подобномъ родѣ; но всѣ онѣ не имѣли успѣха. Іуда обладавшій обширною ученостію, пользовавшійся величайшимъ уваженіемъ, былъ, какъ ни кто другой, въ состояніи съ возможнымъ совершенствомъ выполнить принятое имъ дѣло и придать ему надлежащій авторитетъ въ глазахъ другихъ. Іуда помѣстилъ весь собранный имъ матеріалъ въ 6-ти отдѣлахъ, сокративъ такимъ образомъ 18 отдѣловъ Гиллела. Заглавія этихъ 6-ти отдѣловъ слѣдующія: 1) о посѣвахъ, 2) о женщинахъ, 3) о праздникахъ, 4) о правахъ собственности, 5) о священныхъ предметахъ, 6) о чистомъ и нечистомъ. Трудъ Іуды былъ названъ «Мишна» (отъ **משנה** повторять),—имя, употреблявшееся и прежде при вышеупомянутыхъ попыткахъ. Мишна, обязанная своимъ возникновеніемъ Іудѣ, отличается богатствомъ матеріала, порядкомъ въ распредѣленіи этого матеріала, краткостію и ясностію выраженія. Собраніемъ и записью Мишны Іуда заключилъ третью и началъ четвертую и послѣднюю эпоху въ первомъ, главномъ періодѣ исторіи раввинства.

Со времени приведенія въ порядокъ и записи Мишны, этою послѣднею твердо былъ опредѣленъ кругъ дѣятельности раввиновъ. До того времени раввины въ своихъ собственныхъ ученыхъ занятіяхъ и при обученіи другихъ исходнымъ пунктомъ имѣли свящ. писаніе; теперь точно такое же значеніе для нихъ получила Мишна: занимаясь сами и обучая другихъ, они начали развивать тѣ основанія, которыми руководствовались прежніе раввины, высказывая свои положенія и опредѣленія, составившія содержаніе Мишны. Раввины полагали, что съ помощью Мишны можетъ быть возстановленъ духъ Моисеевыхъ законовъ, а между тѣмъ въ гражданскомъ правѣ законъ Моисеевъ сдѣлался лишь внѣшнимъ покровомъ чуждыхъ,

именно римскихъ правовыхъ понятій. Съ паденіемъ храма все богослуженіе сдѣлалось совершенно другимъ и даже тѣмъ законамъ, выполненіе которыхъ было еще возможно, былъ приданъ смыслъ, совершенно ихъ искажавшій. Какъ школьная книга, Мишна принесла ту пользу, что обиліе въ ней наименованій различныхъ лицъ и предметовъ дало учителямъ случай присоединить къ ней множество историческихъ, естественно-историческихъ, физическихъ, фізіологическихъ и другихъ свѣдѣній и примѣчаній. Объясненія Мишны, дополненія къ ней и вообще результаты раввинскихъ работъ надъ Мишною получили названіе *гемары*.—Преемниками Іуды въ званіи насси были мало замѣчательные мужи; это: Гамалиль III, Іуда II, Гиллель II, Іуда III, и Гамалиль IV. Всѣ они были членами дома Іуды. Ко времени названныхъ мужей относятся два замѣчательныхъ произведенія, составленныхъ раввинами Тиверіады: 1) іудейскій календарь, составленный при Гиллелѣ II въ 358 г. по поводу споровъ о празднованіи пасхи, возникшихъ въ христіанской церкви, и имѣвшій цѣлю уравнивать солнечный и лунный годы; 2) талмудъ такъ называемый Іерусалимскій, принадлежащій неізвѣстному автору; это трудъ, въ которомъ все, сказанное раввинами послѣ Іуды, присоединено къ Мишнѣ; какъ ея комментарий, какъ гемара, онъ не сохранился до нашего времени въ полномъ своемъ составѣ. Названіе Іерусалимскаго дано ему впоследствии, какъ произведенію палестинскому, въ противоположность талмуду вавилонскому, составленному позднѣе.—При пріемникахъ Іуды значеніе раввинизма въ Палестинѣ уничтожилось почти окончательно; но въ замѣнъ этого оно усилилось въ Вавилоніи (т. е. въ Месопотаміи и пограничныхъ частяхъ Персіи). Во все предшествующее время до самой смерти Іуды вавилонскіе іудеи находились въ полной зависимости отъ палестинскихъ раввиновъ. Въ Тиверіадѣ старались отклонять отъ переселенія въ Вавилонію талантливыхъ палестинцевъ и удерживать въ Палестинѣ лучшихъ учениковъ изъ вавилонскихъ іудеевъ; раввинамъ, дѣйствовавшимъ въ Вавилоніи, давались самыя ограниченныя права.

Но по смерти Іуды положеніе дѣль измѣнилось: два вавилонскихъ іудей, получившіе образованіе въ Тиверіадѣ, уничтожили зависимость своихъ соплеменниковъ и соотечественниковъ отъ раввиновъ палестинскихъ и положили начало процвѣтанію раввинизма ихъ въ Вавилоніи. Первымъ изъ нихъ былъ Самуиль Аріохъ, ученый врачъ и астрономъ; поселившись въ Нагардеѣ, онъ основалъ здѣсь іудейскую академію, вскорѣ пріобрѣтшую громкую извѣстность. Вслѣдъ за Аріохомъ другой раввинъ Абба Ариха устроилъ новую академію въ Сурѣ на Евфратѣ.

Это было около 260 г. по Р. Х. лѣтъ 50 спустя, Іуда бенъ-Іезекіиль положилъ основаніе третьей академіи въ Пумпедитѣ на лѣвомъ берегу нижняго Евфрата. Щедрія пособія этимъ академіямъ со стороны іудеевъ давали имъ возможность надлежащимъ образомъ заботиться и объ учителяхъ и о воспитанникахъ; такъ напр. уже при преемникѣ Аббы, Гонѣ, сурская академія безъ труда могла и содержать и воспитывать 800 учениковъ. Изъ всѣхъ вавилонскихъ раввиновъ знаменитѣйшимъ былъ раввинъ Аши, жившій во второй половинѣ 5-го в. Онъ пользовался такимъ глубокимъ уваженіемъ среди іудеевъ, что въ продолженіе 60 лѣтъ полновластно управлялъ всѣмъ раввинскимъ міромъ, не смотря на то, что вавилонскіе іудеи имѣли особаго свѣтскаго главу. Этотъ раввинъ завершилъ талмудъ и тѣмъ закончилъ четвертую и послѣднюю эпоху перваго и важнѣйшаго періода въ исторіи раввинства. Ко времени Аши запутанность въ объясненіяхъ Мишны, вслѣдствіе ихъ различія, достигла крайней степени. Самая Мишна подверглась искаженію. Это-то и побудило знаменитаго раввина предпринять громадный трудъ редакціи Мишны и гемары, или того, что, по завершеніи Мишны, было сдѣлано раввинами для ея объясненія. Около Аши, дважды въ годъ весной и осенью, со всего востока собирались цѣлыя толпы любознательныхъ іудейскихъ юношей съ цѣлю послушать славнаго учителя. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, Аши поручалъ своимъ ученикамъ, чтобы каждый изъ нихъ постарался въ слѣдующему собранію узнать на своей родинѣ и собрать все то, что было

тамъ извѣстно относительно того или другаго отдѣла закона, — были-ли то древнія преданія относительно закона, или же позднѣйшія произведенія раввинской мысли, углублявшейся въ Мишну. Ученики охотно и старательно выполняли порученіе своего учителя. Впрочемъ изъ древнихъ преданій относительно закона было собрано ими немногое, такъ какъ преданія эти были заключены уже въ Мишнѣ; но тѣмъ болѣе узнали и собрали они изъ того, что было придумано и сказано позднѣйшими раввинами различныхъ странъ. Въ составъ собраннаго ими матеріала входили объясненія Мишны, воспоминанія изъ древнихъ временъ, имѣвшія отношенія къ Мишнѣ, нравственныя изрѣченія, размышленія и фантазіи о вещахъ божественныхъ, притчи, аллегоріи и под. Весь этотъ матеріалъ Аши постепенно приводилъ въ порядокъ и, смотря по содержанію, присоединялъ къ тому или другому отдѣлу Мишны, какъ ея гемару, т. е. какъ ея изъясненіе и пополненіе. Для большаго удобства въ размѣщеніи разнообразнаго и обильнаго матеріала Аши раздѣлилъ 6 отдѣловъ Мишны на 61 трактатъ. На собраніе, приведеніе въ порядокъ матеріала, вошедшаго въ составъ талмуда, затѣмъ на окончательную ея редакцію Аши употребилъ 30 л. Въ іудейскомъ мірѣ вскорѣ сложилось воззрѣніе, что талмудъ, завершенный раввиномъ Аши, есть дѣло совершенно законченное и потому не подлежащее измѣненію.

Со времени завершения талмуда и съ окончаніемъ перваго главнаго періода въ исторіи іудейскаго раввинства, исторія эта въ послѣдующій второй періодъ распадается на двѣ половины — исторію восточныхъ и исторію западныхъ раввиновъ. — Съ началомъ втораго періода для раввиновъ на востокъ настали тяжелыя времена. На нихъ всею тяжестью палъ гнетъ жестокой деспотической власти новоперсидскихъ правителей; византійскими императорами были изданы противъ нихъ суровые законы. Вслѣдствіе этого раввинскія школы на востокѣ закрылись. Правда, спустя 70 л. по ихъ закрытіи, онѣ снова были открыты вавилонскими іудеями; но эти вновь открытыя школы не произвели ничего замѣчательнаго, не дали зна-

менитыхъ раввиновъ; исключеніе составляетъ выше упомянутый Саадіа Гаонъ († 942) изъ Суры. Въ 1040 г. вавилонскія раввинскія школы закрылись навсегда. Кромѣ того и въ средѣ самаго раввинства произошли смуты. Еще во 2 в. по Р. Х. были, какъ уже сказано, сдѣланы нѣкоторыми раввинами попытки освободиться отъ обязательнаго слѣдованія раввинскому преданію въ занятіяхъ писаніемъ, — попытки уничтоженныя насильственнымъ образомъ. Но теперь онѣ снова обнаружались и повлекли за собою расколъ карантовъ, или каранмовъ, которые отвергли авторитетъ раввинскаго преданія, признали единственнымъ надежнымъ руководствомъ въ религіи писанное слово Божіе и дали каждому учителю закона право объяснять писанія самостоятельно. Но тяжелыя обстоятельства не были сильны отклонить восточныхъ раввиновъ отъ занятій ветхозавѣтными писаніями; они повели лишь къ тому, что открытыя школьныя занятія смѣнились частными. Въ типинѣ своихъ жилищъ раввины вавилонскіе продолжали писать трактаты въ духѣ талмуда, палестинскіе посвятили себя мазоретскимъ работамъ.

Со времени утвержденія арабовъ на пиринейскомъ полуостровѣ іудейскіе раввины съ востока проникли и въ западныя страны со списками ветхозавѣтныхъ книгъ и талмуда и съ своею талмудическою мудростію. Раввины пиринейскаго полуострова начали, подѣ влияніемъ арабовъ, съ увлеченіемъ изучать арабскій языкъ, арабскую литературу, подражать арабамъ въ поэзіи, заниматься медициною, математикою, астрономіею и другими науками. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они не забывали занятій ветхозавѣтными писаніями и предметами, имѣвшими къ нимъ отношеніе. Такъ они трудились надъ грамматикою и іскриптографіею библейскаго языка, надъ переводомъ талмуда на арабскій языкъ, дѣлали изъ талмуда извлеченія, объясняли его, писали экзегетическія и критическія сочиненія и т. д. Что касается раввиновъ другихъ европейскихъ странъ, то они исключительно занимались изученіемъ и преподаваніемъ талмуда и недовѣрчиво смотрѣли на своихъ испанскихъ со-

племенниковъ и ихъ разнообразныя занятія, которымъ отдались они подъ арабскимъ вліяніемъ. Вслѣдствіе такого различія въ занятіяхъ западныхъ раввиновъ въ ихъ средѣ развились два направленія—либеральное (въ Испаніи и сѣверной Африкѣ) и строго-консервативное (въ Нарбоннской Галліи и при Рейнскихъ страпахъ). Впрочемъ эти противоположныя направленія не привели къ расколу, какъ это случилось на востокѣ; ихъ представители послѣ горячихъ споровъ и взаимныхъ проклятій сошлись между собою.—Къ числу извѣстнѣйшихъ западныхъ раввиновъ среднихъ вѣковъ принадлежатъ между прочимъ: Абенъ Езра (между 1090 и 1170 гг.)—знатокъ философіи и талмуда, медикъ, математикъ, астрономъ и поэтъ, извѣстный своими комментаріями на ветхозавѣтныя библейскія книги, напечатанными въ раввинскихъ бібліяхъ, изданныхъ Бомбергомъ и Буксторфомъ; имъ составлена также еврейская грамматика; Соломонъ, Пархонъ—грамматикъ; Гершомъ-бенъ-Иуда, писавшій о талмудѣ (11 в.); Раши (1030—1105), самостоятельно и здраво объяснившій писаніе и талмудъ; Давидъ Кимхи—философъ и грамматикъ; Моусей Маймонидъ (1135—1204), знаменитый своею ученостію и либеральнымъ направленіемъ, написавшій, между прочимъ, объясненію Мишны,—сочиненіе, интересное по своему введенію, знакомящему съ исторіею и составомъ талмуда, и мн. др.—Изобрѣтеніе книгопечатанія дало возможность западнымъ раввинамъ сдѣлать общимъ достояніемъ древнія сокровища, хранившіяся у нихъ и, до того времени, доступныя немногимъ. Такъ, въ 1520 г., въ Венеціи былъ напечатанъ талмудъ, въ 1526—раввинская біблія съ мазорою (см. выше), въ 1538—книга Иліи Левита (1472—1549) Masoreth Hammasoreth, служащая ключемъ къ уразумѣнію мазоры.

Знакомясь съ исторіею іудейскаго раввинства, нельзя не видѣть, что ветхозавѣтныя писанія и особенно писанія Моусея были всемъ для раввиновъ. Признавая ихъ богодухновенными, данными съ цѣлію осчастливить избранный народъ, они видѣли въ нихъ высшую, непреходящую норму

жизни. Изученіе этихъ писаній, работы надъ ними съ тѣмъ, чтобы сохранить неизмѣннымъ ихъ содержаніе, сдѣлать невозможнымъ поврежденіе незначительнѣйшей черты въ нихъ—это было для раввиновъ долгомъ, единственною задачею жизни, утѣшеніемъ среди тяжелыхъ историческихъ обстоятельствъ. Поэтому они не могли не заниматься ветхозавѣтными писаніями, не могли не заботиться о сохраненіи ихъ текста и они занимались, хранили и сохранили, сдѣлавъ для этого сохраненія все, что только въ состояніи сдѣлать люди.

Въ представленномъ нами краткомъ очеркѣ исторіи подлиннаго ветхозавѣтнаго текста даны посильные отвѣты на вопросы, выставленные въ началѣ очерка и преимущественно на главный изъ нихъ: не искажился ли первоначальный текстъ ветхозавѣтныхъ писаній при перемѣнахъ, произведенныхъ во внѣшнемъ его видѣ, при распространеніи его посредствомъ копій, при передачѣ изъ вѣка въ вѣкъ? И смыслъ даннаго нами отвѣта таковъ: существуютъ достаточныя основанія утверждать, что подлинный текстъ ветхозавѣтныхъ писаній дошелъ до насъ въ правильномъ, говоря вообще, неискаженномъ видѣ. Но если такъ, то мы, при занятіяхъ ветхозавѣтными писаніями съ какими бы то не было цѣлями, не смущаясь можемъ обращаться къ ихъ подлинному тексту (или къ точнымъ и добросовѣстно составленнымъ его переводамъ), въ увѣренности, что истины, выраженные въ этомъ текстѣ (или въ точныхъ его переводахъ), суть истины первоначальныя, тѣ самыя, которыя древле были преданы письмени богодухновенными писателями Ветхаго Завѣта. Правда въ подлинный ветхозавѣтный текстъ могли вкрасться, при всѣхъ заботахъ о его храненіи, при всемъ благоговѣнномъ уваженіи къ нему, неправильности, могли быть сдѣланы въ немъ нѣкоторыя опущенія; тѣ и другія дѣйствительно и указываются. Но во 1-хъ *несомнѣнныхъ* неправильностей и пропусковъ въ подлинномъ ветхозавѣтномъ текстѣ найдется немного, а во 2-хъ исправленіе первыхъ и восполненіе послѣднихъ не невозможно съ помощью критики,—критики безпристрастной, опирающейся на строго-паучныхъ данныхъ.